

О ПРОМЫСЛѢ.

Самое живое, имѣющее непосредственное вліяніе на весь строй нашей нравственной жизни послѣдствіе убѣжденія въ бытіи личнаго, высочайшаго Существа есть вѣра въ божественный Промыслъ. Какъ бы глубоко ни была вкоренена въ нашемъ сердцѣ, какимъ бы свѣтомъ разумаго сознанія ни была озарена въ нашемъ умѣ истина бытія Божія, она не вышла бы изъ ряда отвлеченныхъ теоретическихъ истинъ, имѣющихъ важное значеніе для одного только знанія, оставаясь совершенно безплодною для жизни, если бы была лишена своего дальнѣйшаго, естественнаго, логическаго вывода,—что Богъ, какъ Существо личное, есть не только Міроздатель, но и Міроправитель. Мысль о верховномъ Началѣ міра только тогда можетъ имѣть живое и дѣйствительное вліяніе на нашу жизнь, когда она соединена съ увѣренностію, что Богъ не есть только безучастный зритель всего созданнаго Имъ, но имѣетъ постоянное, дѣятельное отношеніе къ Своему творенію, что Онъ все хранитъ и направляетъ къ благу, печется о благѣ не только цѣлаго міра, но и cadaго существа, какъ бы оно незначительно ни было. Только

къ такому Существу можно обращаться съ благодарностію, съ молитвою о помощи, съ чувствомъ преданности волю Божіей, съ надеждою на торжество добродѣтели и наказаніе порока. Вообще всѣ тѣ отношенія къ Богу, которыя мы называемъ религіозными, вполне основываются на мысли о Промыслѣ. Безъ этой мысли возможно было бы теоретическое ученіе о Божествѣ, но невозможна была бы никакая религія.

Но эта, столь важная для религіозно-правственной жизни, существенная связь между убѣжденіемъ въ истинѣ бытія Божія и признаніемъ Его промыслительнаго отношенія къ міру, не всегда была признаваема въ области философскаго мышленія. Не говоримъ уже о тѣхъ философскихъ системахъ, гдѣ понятіе о живомъ личномъ Божествѣ превращается въ понятіе абсолютнаго начала бытія, изъ котораго съ одинаковою необходимостью вытекаетъ какъ природа, такъ и духъ, и которое только въ царствѣ послѣдняго, въ существахъ сознательно разумныхъ, достигаетъ сознательности, — разумемъ системы пантеистическія. Здѣсь о Промыслѣ, въ точномъ смыслѣ этого слова, конечно не можетъ быть и рѣчи. Жизнь природы и духа здѣсь является не законосообразнымъ движеніемъ конечнаго, сотвореннаго, отдѣльнаго отъ Божества и зависимаго отъ Него бытія, но развитіемъ Его же самаго по необходимымъ имманентнымъ Ему законамъ. Надъ всѣмъ властвуетъ не свобода верховнаго Существа, но слѣпая необходимость развитія безличнаго абсолютнаго, въ сущности нисколько не отличная отъ той необходимости природы и неизмѣннаго владычества ея

силъ, которымъ объясняютъ жизнь міра отвергающе истину бытія Божія. Но и въ тѣхъ философскихъ системахъ, гдѣ признавалось субстанціальное отличіе Божества отъ міра, понятіе Промысла испытало на себѣ колебаніе этихъ системъ между двумя противоположными взглядами на отношеніе Бога къ міру, изъ которыхъ одинъ столько же не въ мѣру отдалялъ Божество отъ міра, сколько другой не въ мѣру приближалъ Его къ нему. Судя потому, какое изъ понятій объ отношеніи Божества къ міру: трансцендентности или имманентности, получало перевѣсъ, измѣнялось и понятіе о Промыслѣ,—или лучше сказать, при одностороннемъ послѣдовательномъ примѣненіи того или другаго понятія къ опредѣленію отношенія между Божествомъ и міромъ, отъ идеи о Промыслѣ не оставалось ничего кромѣ имени. Крайнее развитіе понятія о совершенной отдѣльности Божества отъ міра, Его трансцендентности, было преобладающимъ у французскихъ и англійскихъ деистовъ прошлаго столѣтія. Они не находили лучшаго способа согласить самостоятельность міра и законовъ природы съ понятіемъ о Творцѣ міра, какъ совершенно разъединить ихъ, расторгнуть между ними всякую живую связь. Недостатки этого возрѣнія, а еще болѣе прямое или косвенное вліяніе идеалистическихъ системъ новѣйшаго времени, Фихте, Шиллинга, Гегеля, были причиною склоненія германскихъ раціоналистовъ къ другой противоположной крайности въ вопросѣ о Промыслѣ. Понятію имманентности Бога въ мірѣ было придаваемо иногда столь много значенія, что недоставало по видимому нѣсколькихъ послѣдовательныхъ шаговъ, чтобы

отъ этого понятія перейти къ совершенно пантеистическому представленію о субстанціальномъ тождествѣ Божества и міра. Понятіе Промысла, при этомъ одностороннемъ сближеніи Божества съ міромъ, превращалось въ представленіе естественныхъ, необходимыхъ законовъ природы и духа, въ которыхъ видѣли не законы только данные Творцемъ творенію, но самую волю и мысль Божественную, имманентную міру.

Для установленія правильнаго понятія о Промыслѣ, далекаго отъ односторонностей какъ деизма, такъ и явнаго или прикрытаго пантеизма, нужно имѣть въ виду двѣ основныя истины: 1) что Богъ есть Существо личное и всесовершенное; 2) что міръ есть совокупность существъ, хотя происшедшихъ отъ Бога, но ограниченныхъ и несовершенныхъ. Эти двѣ истины опредѣляютъ надлежащую противоположность между Богомъ и міромъ, которая будучи далека отъ того, чтобы разъединять ихъ, служитъ напротивъ основаніемъ той связи между ними, которую мы называемъ Промысломъ.

1) *Богъ есть Существо личное, абсолютно совершенное.* Понятіе о Богѣ, какъ Существомъ личномъ, предполагаетъ живое, дѣятельное обнаруженіе или проявленіе Его свойствъ; понятіе о Немъ, какъ Существомъ всесовершенномъ, предполагаетъ, что это проявленіе будетъ постояннымъ и неизмѣннымъ. Существо личное не можетъ быть недѣятельнымъ; Существо всесовершенное не можетъ прекращать своей дѣятельности; ибо совершенство не можетъ имѣть предѣла, не можетъ истощиться. Отсюда видно, что, на основаніи самаго понятія о Богѣ, мы не мо-

жемъ представить, чтобы высочайшія Его совершенства: всемогущество, премудрость, благодать и другія, дѣятельно проявились только въ одинъ какой-либо моментъ, напримѣръ въ актъ созданія міра, а потомъ навсегда прекратили свое обнаруженіе. Мы не можемъ допустить, чтобы Богъ, обнаруживъ и явивъ свои творческія совершенства въ сотвореніи міра, потомъ предоставилъ этотъ міръ самому себѣ, уединился такъ сказать, или сокрылся отъ міра. Подобное представленіе могло бы быть мыслимо только въ такомъ случаѣ, если бы мы предположили, что въ мірѣ, въ своемъ созданіи, Богъ всецѣло и безъ остатка выразилъ всю полноту своихъ совершенствъ, истощилъ ихъ, такъ сказать, въ процессъ мірообразования, такъ что для дальнѣйшей Его какой-либо дѣятельности не представлялось ни мѣста, ни возможности. Но это могло быть только тогда, если бы міръ былъ вполнѣ подобенъ своему Творцу, вполнѣ осуществилъ собою все Его безконечныя совершенства, былъ бы вѣрнымъ образомъ и подобіемъ самаго Божества, противъ чего ясно говорятъ не только несовершенства міра, но и самая его ограниченность. Да и въ отношеніи къ Существу абсолютно совершенному, странно было бы предположить возможность истощенія Имъ своихъ совершенствъ, и своей дѣятельности въ одномъ какомъ-либо актѣ или въ одномъ какомъ-либо произведеніи, какъ бы совершенно ни было это произведеніе. Итакъ мы должны необходимо признать, что Богъ не однажды только явился дѣятельнымъ въ созданіи міра, но продолжаетъ быть дѣятельнымъ и въ отношеніи къ созданному Имъ міру, что Его всемогущество,

премудрость, благость объемлють собою все Его твореніе, сохраняя его и направляя къ достиженію тѣхъ цѣлей, какія предположены Имъ при созданіи.

Намъ могутъ сказать: однако же и до акта созданія міра Богъ вполнѣ обладалъ всѣми своими совершенствами, слѣдовательно не оставался недѣятельнымъ, но проявлялъ свои совершенства какимъ либо сокровеннымъ и для насъ непостижимымъ способомъ. Почему же мы не можемъ допустить, что и не простирая своего промыслительнаго дѣйствія на міръ, Онъ тѣмъ не менѣе не теряетъ и не умаляетъ своихъ совершенствъ, но остается абсолютно дѣятельнымъ. Создавъ міръ, какъ самостоятельное цѣлое, Богъ въ виду самой этой самостоятельности можетъ предоставить его самому себѣ вполнѣ, его собственнымъ законамъ развитія; но такое предоставленіе его самому себѣ нисколько не ведетъ къ предположенію о прекращеніи или истощеніи Божественной дѣятельности. Эта дѣятельность не будетъ только простираться во внѣ, относиться къ міру, но получитъ тотъ же характеръ внутренне-сокровенной дѣятельности и жизни, какой она имѣла до начала міра.

На это должно замѣтить, что хотя дѣятельность Божества дѣйствительно не ограничивается однимъ приложеніемъ ея къ созданію или храненію и управленію созданнымъ, но тѣмъ не менѣе какъ скоро она разъ проявилась не только въ сокровенной глубинѣ собственнаго существа, но и внѣ его, въ созданіи конечнаго, она въ слѣдствіе своего совершенства уже не можетъ отрѣшиться и отдалиться отъ этого конечнаго, пока оно существуетъ. Думать иначе значитъ или отрицать абсолютность Божества и пол-

ноту Его совершенствъ, или допускать въ Немъ какое-то самоограниченіе своей дѣятельности, по отношенію къ сотворенному Имъ. Богъ, какъ Существо абсолютное, долженъ быть мыслимъ объемлющимъ свою силою и простирающимъ свою дѣятельность на все существующее безъ ограниченія. Ничто не можетъ существовать *внѣ* абсолютнаго, разумѣя подъ этимъ выраженіемъ не мѣстную только отдѣльность, но независимость и отрѣшенность чего-либо отъ Божества, по своему бытію. Пока міръ не существовалъ, дѣятельность Божества могла быть только внутреннею и сокровенною; но какъ скоро Богу было угодно проявить свои свойства во *внѣ*, въ сотвореніи вещей конечныхъ, то уже невозможно положить предѣлъ такому проявленію этихъ свойствъ, ограничить это проявленіе однимъ какимъ-либо актомъ или моментомъ. Въ силу неограниченности Божества и абсолютности Его совершенствъ, дѣятельность Его должна простираться на все безъ исключенія и продолжаться постоянно, слѣдовательно обнимать собою не только начало міра, но и его продолженіе, пока онъ существуетъ. Указывать при этомъ на возможность свободнаго самоограниченія Божества въ своей дѣятельности, на удержаніе Имъ, такъ сказать, своихъ совершенствъ отъ проявленія ихъ въ міръ, значило бы допускать странное предположеніе, что міръ безъ вліянія на него Божества, не хранимый и не управляемый Имъ, но предоставленный самому себѣ, будетъ гораздо лучше и совершеннѣе, чѣмъ при дѣятельномъ участіи всесовершеннаго Существа въ его судьбахъ, — предположеніе, несостоятельность котораго очевидна сама собою.

2) Если теперь отъ понятія о Богѣ перейдемъ къ понятію о мірѣ, то въ самыхъ существенныхъ его свойствахъ мы увидимъ невозможность абсолютной самостоятельности его существованія и необходимость участія божественной воли въ его сохраненіи и управленіи. *Міръ есть совокупность существъ ограниченныхъ и несовершенныхъ.* Что такое ограниченность міра? Прежде всего она состоитъ въ томъ, что міръ не самобытенъ по своему происхожденію, что имѣетъ верховную, независимую отъ него причину своего существованія, которой онъ есть произведеніе или дѣйствіе. Но дѣйствіе не можетъ существовать отдѣльно и независимо отъ причины его производящей. Оно существуетъ, пока продолжается бытіе причины, которая постоянно его условливаетъ. Пламя не можетъ существовать отдѣльно отъ горючихъ матеріаловъ, которые его производятъ; растеніе—безъ почвы, воздуха, свѣта, условливающихъ его жизнь. Каждая частная вещь, каждое явленіе на землѣ, существуетъ дотолъ, доколѣ существуютъ матеріальныя условія и физическія силы, его производшія. Тотъ же законъ, который имѣетъ приложеніе къ каждой отдѣльной вещи, долженъ быть приложенъ и къ цѣлому міру. И міръ, какъ дѣйствіе, какъ явленіе, не можетъ продолжать своего существованія независимо и отрѣшенно отъ своей верховной причины; внѣ связи съ этою причиною онъ обратится въ то же ничтожество, изъ котораго былъ вызванъ волею творческою. Какъ начало его не мыслимо безъ верховной причины, такъ и продолженіе его бытія не мыслимо внѣ связи съ этою причиною.

Другая черта ограниченности міра есть та особенность его предметовъ и явленій, которую обыкновенно, хотя и не совсѣмъ точно, называютъ его *случайностію*, не въ томъ конечно смыслѣ, чтобы эти предметы и явленія происходили отъ случая или не имѣли бы разумнаго основанія и цѣли своего бытія, но въ томъ, что ни одно изъ нихъ не имѣетъ бытія необходимаго, что каждый индивидуальный предметъ могъ быть и не быть, существовать и не существовать. Абсолютной необходимости существованія, такой, чтобы при его отсутствіи сдѣлалось невозможнымъ существованіе цѣлаго міра, ни одинъ частный предметъ не имѣетъ. Но та черта, которая составляетъ принадлежность каждаго частнаго предмета и явленія, принадлежитъ и цѣлой совокупности ихъ,—цѣлому міру. И цѣлый міръ не есть какое-либо необходимое проявленіе божеской природы, безъ котораго Богъ, такъ сказать, не могъ бы быть Богомъ. И цѣлый міръ могъ одинаково существовать и не существовать; если онъ получилъ бытіе, то этому обязанъ исключительно воля Творческой. Но если таковъ характеръ міра, если по существу своему онъ не имѣетъ бытія необходимаго, но можетъ равно быть и не быть, то очевидно, что продолженіе его бытія, точно также какъ и начало, мыслимо только при продолженіи тогоже акта творческой воли, которая и въ началѣ опредѣлила бытіе міра. Прекратись это дѣйствіе божественной воли, и міръ, не имѣя внутренней необходимости своего бытія, обратится въ ничтожество. И такъ, если міръ продолжаетъ существовать, то коренную и основную причину своего продолженія, точно также

какъ и своего начала, онъ долженъ имѣть не въ самомъ себѣ, но внѣ себя, въ поддерживающей и сохраняющей его бытіе волю Творца.

Съ ограниченностію міра необходимо соединяется его *несовершенство*. Первымъ признакомъ этого несовершенства служитъ его измѣняемость, обуславливаемая ограниченіемъ его формами пространства и времени. Міръ не есть, въ одинъ моментъ творенія вполнѣ законченное, и за тѣмъ неподвижнымъ и неизмѣннымъ остающееся, цѣлое. Міръ постепенно и послѣдовательно получалъ тотъ видъ, какой имѣетъ теперь, и исторія его не закончена также настоящимъ моментомъ. Изъ этого видно, что онъ какъ въ прошедшемъ не былъ, такъ и въ настоящемъ не есть какое-либо вполнѣ законченное, совершенное и потому неизмѣняемое къ лучшему, бытіе. Кромѣ этого, естественнаго такъ сказать несовершенства міра, зависящаго отъ его ограниченности, безпристрастное наблюдение можетъ найти въ немъ множество и другихъ недостатковъ, независящихъ прямо отъ его ограниченности, но представляющихъ искаженіе и нарушеніе его законосообразности, въ области какъ физическаго такъ и духовнаго бытія. Сюда относятся всѣ виды нравственнаго зла и производимыя вліяніемъ злой воли существъ свободныхъ разстройство въ мірѣ чувственномъ. Но если міръ несовершенъ, а Виновникъ его есть Существо абсолютно благое и совершенное, то какаго рода отношеніе между ними должно быть мыслимо разумомъ? Не необходимо ли предположить, что Существо всесовершенное будетъ постоянно и дѣятельно стремиться къ усовершенствованію того, что несовершенно, къ исправленію

того, что уклонилось отъ нормы, къ постоянному возведенію ограниченнаго и несовершеннаго къ большому и большому совершенству. Не необходимо ли допустить то дѣйствіе божественной воли по отношенію къ міру, которое мы называемъ Промысломъ? Думать иначе значило бы совершенно исказить понятіе о Богѣ, — значило бы представлять Его или безсильнымъ, или неразумнымъ, или неблагимъ, если бы Онъ или не могъ, или не умѣлъ, или не хотѣлъ вести міръ къ тому совершенству, котораго міръ не имѣетъ еще, но можетъ имѣть.

Даже, если бы мы вопреки очевидности захотѣли отрицать несовершенство міра, и, увлекшись крайнимъ оптимизмомъ, не находили въ немъ никакихъ недостатковъ, то и въ этомъ случаѣ не могли бы не признать того, что міръ есть хотя совершенное цѣлое, но однакожъ не абсолютно совершенное, не такое, которое не могло бы быть еще совершеннѣе, потому что иначе мы уравнили бы міръ съ Богомъ. Если же такъ, то не должны ли мы предположить, что Богъ и совершенному цѣлому по своей безконечной благодати желаетъ даровать еще большее совершенство? А возможности такого большаго и большаго усовершенствованія, по крайней мѣрѣ по отношенію къ міру духовному, никто конечно отвергать не станетъ.

Но намъ скажутъ: положимъ міръ несовершенъ, и, какъ такой, по волю Творца долженъ постепенно достигать большаго и большаго совершенства. Но для чего же предполагать, что это движеніе міра къ цѣли своего бытія, къ совершенству, происходитъ не иначе, какъ подъ непосредственнымъ руковод-

ствомъ и управленіемъ Творца міра? Развѣ Творецъ при самомъ созданіи міра не могъ вложить въ его существа стремленія и силы, послѣдовательнымъ развитіемъ которыхъ они самодѣтельно и постепенно могли бы достигать предназначенной имъ цѣли? Такъ напримѣръ, сѣмя само собою развивается въ растеніе, человѣкъ свободнымъ раскрытіемъ своихъ силъ и способностей самъ собою достигаетъ совершенства. Такъ же самостоятельно, по своимъ собственнымъ себѣ законамъ, можетъ развиваться и усовершенствоваться и цѣлый міръ, безъ всякаго участія въ томъ его Виновника.

Оставимъ пока въ сторонѣ вопросъ: дѣйствительно ли вполнѣ самостоятельно и безъ всякаго участія божественной промыслительной воли, развиваются и достигаютъ своей цѣли частныя существа міра, напр. органическіе индивидуумы, человѣкъ. Допустимъ, что это такъ. Но можно ли отъ самостоятельнаго достиженія частными существами своихъ частныхъ цѣлей заключать о возможности того же самаго и для цѣлаго міра? Нѣтъ, самостоятельное развитіе отдѣльныхъ одна отъ другой частей еще не ручается за стройное развитіе цѣлаго, составленнаго изъ этихъ частей. Изъ отдѣльныхъ деревьевъ, какъ бы они хороши ни были, не выдетъ сада, если рука садовника не разсадитъ ихъ такъ, какъ требуютъ того вкусъ и искусство. Изъ отдѣльныхъ красокъ не составитъ сама собою картина. Тысячи прекрасныхъ музыкантовъ, незнающихъ ничего другъ о другѣ, могутъ отлично выполнять каждый свою піэсу, но не дадутъ стройнаго концерта, если не согласить ихъ общая для всѣхъ піэса и одинъ ком-

позиторъ. Такъ и въ мірѣ; общій строй міра и гармоническое развитіе его въ цѣломъ и частяхъ предполагаютъ не только достиженіе каждымъ частнымъ существомъ своей индивидуальной цѣли, но и соотвѣтствіе этой цѣли съ общимъ ходомъ и законосообразнымъ движеніемъ вселенной, слѣдовательно предполагаютъ необходимымъ, чтобъ каждое частное существо не только самостоятельно развивалось въ своей сферѣ индивидуальнаго бытія, но и содѣйствовало бы раскрытію общей идеи и плана міра, чтобы стремилось къ достиженію не только своей цѣли, но и общей цѣли всего существующаго. Но это возможно только при двухъ условіяхъ: или каждое отдѣльное существо будетъ *знать* не только о своей цѣли въ общемъ планѣ міра, но и объ общей цѣли всего міра, и въ силу этаго знанія будетъ стремиться къ ея осуществленію, что при безсознательности однихъ существъ міра, и ограниченности знанія другихъ, конечно не мыслимо. Или надъ всѣми отдѣльными существами, развивающимися каждое въ своемъ кругу и для своей цѣли, будетъ царить какой-либо общій разумъ, общая верховная сила, которая безчисленное множество разрозненныхъ индивидуальныхъ существъ и явленій будетъ стройно согласовать и направлять къ общей цѣли. Но гдѣ мы найдемъ этотъ всеобщей разумъ природы, эту верховную мысль, все направляющую по законамъ гармоніи и порядка? Или мы должны самый міръ признать сознательно разумнымъ существомъ, за внѣшнею оболочкою безчисленно разнообразныхъ предметовъ и явленій предполагать одну душу міра, какъ дѣлали нѣкоторые древніе философы; или если

оставимъ это представленіе незрѣлаго возраста Философин, должны допустить, что этотъ разумъ и эта мысль, направляющія всѣ частныя явленія міра къ одной цѣли, есть мысль и разумъ божественный, есть правящій міромъ Промысль.

Итакъ, понятіе о мірѣ, точно также какъ понятіе о Богѣ, ведетъ насъ къ признанію истины божественнаго Промысла, который вообще мы можемъ опредѣлить, какъ постоянное дѣйствіе Творца на сотворенный Имъ міръ. Указанныя же нами свойства міра, его ограниченность (несамостоятельность) и несовершенство, опредѣляютъ частные свойства этаго творческаго дѣйствованія. Ограниченность міра предполагаетъ *сохраненіе* его существованія; несовершенство — направленіе его къ совершенству, божественное *управленіе*. Итакъ, Промысль есть дѣйствіе Божества, которымъ Оно сохраняетъ созданный Имъ міръ и направляетъ его къ благу, такъ какъ только благо можетъ быть достойною всесовершеннаго Существа цѣлю, которую Оно предположило при созданіи міра (а).

(а) Въ прежнихъ метафизическихъ и богословскихъ системахъ отличали еще третій видъ Промысла *содѣйствіе* (concursumъ вмѣстѣ съ conservatio et gubernatio). Но понятіе содѣйствія едва ли можетъ выражать собою какой-либо актъ божественнаго промыслительнаго дѣйствованія, существенно отличный отъ двухъ первыхъ. По отношенію къ предметамъ міра физическаго, *содѣйствіе* есть ничто иное, какъ воля Божія, чтобы предметы эти продолжали существовать и дѣйствовать по даннымъ имъ отъ Бога законамъ,—слѣдовательно оно не различается отъ *сохраненія*. По отношенію къ существамъ міра духовнаго, *содѣйствіе*, если понимать его съ одними какъ сохраненіе свободы дѣйствій человеческихъ, есть только видъ сохраненія, если же разумѣть подъ именемъ его содѣйствіе свободной волѣй существъ разумныхъ въ осуществленіи ихъ добрыхъ цѣлей и намѣреній,

Убъжденіе въ бытіи Промысла, какъ мы сказали, есть естественный и необходимый выводъ изъ правильныхъ понятій о Богѣ и мірѣ. Но эта истина, выведенная путемъ апіорическимъ, для полнаго и окончательнаго своего уясненія имѣетъ нужду въ подтвержденіи ея дѣйствительными указаніями слѣдовъ Божественнаго сохраненія и управленія въ видимомъ нами мірѣ. Фактическія указанія должны служить не только для болѣе нагляднаго представленія отвлеченной истины, но и для повѣрки и оправданія ея чрезъ сличеніе съ дѣйствительностію. Безъ этой повѣрки насъ не оставитъ совершенно сомнѣніе, дѣйствительно ли раціональный процессъ выведенія истины Промысла изъ общихъ понятій о Богѣ и мірѣ безукоризненно вѣренъ въ логическомъ отношеніи. Потому что не можетъ быть, чтобы былъ истиннымъ такой выводъ, который, не смотря на *видимую, формально - логическую правильность*, встрѣтилъ бы прямое противорѣчіе въ фактахъ міра дѣйствительнаго.

Что касается до того вида Промысла, который мы назвали сохраненіемъ, то въ отношеніи къ нему

то это будетъ одинъ изъ частныхъ видовъ *управленія*. Кажется, на удержаніе въ некоторыхъ философскихъ системахъ понятія содѣйствія имѣла вліяніе система *окказіонализма*, господствовавшая въ школѣ Декарта, и Мальбранша. Такъ какъ здѣсь допускалась совершенная противоположность двухъ субстанцій — духа и матеріи, и отрицалась возможность дѣйствовать одной изъ нихъ на другую, то взаимная связь ихъ объяснялась постояннымъ дѣйствіемъ Божества, которое своею силою производитъ въ мірѣ чувствительныя перемѣны, соотвѣтствующія движению воли въ существахъ духовныхъ, и наоборотъ, въ послѣднихъ производитъ перемѣны соотвѣтственно дѣйствію на нихъ предметовъ чувственныхъ. Этотъ особенный актъ Божеской воли и есть собственно *содѣйствіе*, отличное отъ сохраненія и управленія.

исполненіе этого требованія не представляетъ затрудненій. Свидѣтельствомъ истины сохраненія міра Богомъ служитъ самый фактъ существованія міра, его законовъ, силъ и предметовъ, каждаго въ опредѣленной ему сферѣ и мѣрѣ бытія. Не могутъ конечно служить значительнымъ возраженіемъ противъ мысли о сохраненіи міра примѣры изчезновенія цѣлыхъ породъ растений и животныхъ, и разрушенія на небесномъ сводѣ планетъ и свѣтилъ. Эти явленія также мало могутъ противорѣчить истинѣ Божественнаго храненія міра, какъ и постоянное исчезновеніе или смерть отдѣльныхъ индивидуумовъ органическаго царства. Та временность бытія, которая составляетъ законъ существованія индивидуумовъ, имѣетъ приложение и къ цѣлымъ родамъ ихъ; различіе только во времени продолженія бытія. Сохраненіе міра не такъ должно понимать, чтобы все, разъ созданное и получившее бытіе, продолжало хранить его вѣчно и постоянно, но такъ, что извѣстное существо или рядъ существъ продолжаетъ свое бытіе дотоль, доколь требуетъ того общій законосообразный строй міра, и доколь онъ необходимъ какъ средство или моментъ въ достиженіи общей цѣли міра.

Гораздо болѣе затрудненій и возраженій встрѣчаютъ попытки разума оправдать дѣйствительными явленіями тотъ видъ Промысла, который мы назвали управленіемъ. Нельзя не сознаться, что здѣсь задача — указать признаки Божественнаго міроуправленія въ явленіяхъ міра физическаго и духовнаго — не можетъ быть выполнена съ тою подробностію, ясностію и отчетливостію, какой въ правъ ожидать разумъ. И причина тому заключается не въ какихъ либо дѣй-

ствительно неразрѣшимыхъ противорѣчiяхъ, представляемыхъ ходомъ міровыхъ явленiй и событiй, мысли о Промыслѣ, но въ самой сущности задачи и въ свойствахъ человѣческаго разума. Божественное міроуправленіе предполагаетъ, что каждый предметъ, каждое явленіе міра, определенное къ бытію Богомъ, имѣетъ разумную цѣль и значеніе въ законосообразномъ планѣ міра и содѣйствуетъ достиженію той благой цѣли, для которой онъ созданъ. Но оправдать истину этого общаго предположенія въ примѣненiи къ каждому предмету и явленію, показать, какое значеніе тотъ или другой предметъ имѣетъ въ общемъ планѣ мірозданія, и какъ именно содѣйствуетъ достиженію общей цѣли бытія, — превышаетъ силы и границы человѣческаго знанія. Для этого съ полнымъ познаниемъ всего міра въ его цѣломъ и частяхъ, въ его прошедшемъ и настоящимъ, въ безконечномъ разнообразіи взаимныхъ отношенiй между его предметами и явленіями, должно соединяться не менѣе полное знаніе цѣли міра, которая теряется въ недоступномъ нашему взору будущемъ. Но что значать всѣ успѣхи наши въ дѣлѣ познанія природы, въ сравненiи съ ея необъятностію и много-сложностію? А что касается до цѣли міра, то въ настоящее время съ достовѣрностію можно сказать о ней только одно, что эта цѣль должна быть мудрая и благая, потому что Творецъ міра есть Существо всесовершенное; но знаніе о качествѣ цѣли еще ничего не говоритъ о ея сущности.

Отсюда вполне естественно и понятно, что разумъ бралъ бы себѣ задачу далеко не по силамъ, если бы мечталъ уяснить себѣ и уразумѣть вполне планъ и

подробности божественнаго міроуправленія. Онъ долженъ ограничиться болѣе скромною задачею,—найти нѣкоторые только слѣды Промысла въ тѣхъ явленіяхъ міра, гдѣ они выражаются съ бѣльшею ясностію. Этнхъ слѣдовъ, если они будутъ открыты, достаточно для оживленія его увѣренности въ истинѣ Провидѣнія, какъ скоро она утверждается на несомнѣнныхъ требованіяхъ разума, потому что они покажутъ, что не одинъ слѣпой случай или механическая необходимость природы правятъ міромъ, но и разумная мысль и воля. Такъ по отдѣльнымъ отрывкамъ прекрасной поэмы, неизвѣстной намъ въ цѣломъ составѣ, мы судимъ о геніальности ея творца. Такъ по одной изящно отдѣланной комнатѣ громаднаго зданія, въ которой мы заключены, можемъ судить объ искусствѣ и умѣ того, кто устроилъ это зданіе.

Что міръ физическій во многихъ своихъ явленіяхъ представляетъ знаменательные признаки разумности и цѣлесообразности, этого не можетъ отвергнуть безпристрастный наблюдатель. Положимъ, не всѣ попытки ясно представить эту разумность въ частныхъ случаяхъ были своевременны и удачны, и эти неудачи, кромѣ философскихъ предубѣжденій, были поводомъ къ неблагопріятному взгляду новѣйшаго времени на телеологическія объясненія природы. Но тѣмъ не менѣе нельзя не признать многихъ паразитическихъ фактовъ цѣлесообразности, напрімѣръ, въ строеніи и жизни существъ органическихъ и въ исторіи постепеннаго развитія природы, при чемъ неудачныя попытки объясненія могутъ служить только доказательствомъ неудовлетворительности данныхъ, конкретныхъ объясненій того или другаго

случая, но не опроверженіемъ самой мысли о разумности въ устройствѣ природы. Такъ наиримѣръ мы не можемъ, при настоящемъ состояніи нашихъ свѣдѣній о природѣ, объяснить, почему необходима въ общей жизни ея та или другая порода растеній или животныхъ въ частности, но не можемъ не видѣть, что весь процессъ образованія органическаго царства направленъ къ постепенному усовершенствованію организмовъ, что все предыдущее образованіе міра служило необходимымъ приготовленіемъ и условіемъ для того, чтобы дать возможность существованію на землѣ высшему изъ ея существъ—человѣку. Не можемъ не видѣть, что для достиженія имъ цѣлей своего бытія цѣлесообразно примѣненъ весь порядокъ настоящаго состоянія нашей планеты, что въ немъ онъ находитъ и матеріальныя условія, и возбужденія, и пособія для своего развитія. Но такая разумность и цѣлесообразность въ устройствѣ и развитіи природы, очевидно, не могла входить въ планы и намѣренія безсознательной и неразумной природы и ея отдѣльныхъ существъ. Безсознательное, не имѣющее воли и разума, само по себѣ не можетъ стремиться къ какой нибудь разумной цѣли, имѣть въ виду будущее и содѣйствовать его осуществленію. Если сочетаніемъ безчисленнаго множества безсознательныхъ предметовъ и явленій достигается одна разумная цѣль, осуществляется стройный порядокъ, то это очевидный знакъ, что надъ всѣми ими царитъ единая мысль и воля Существа разумнаго, правитъ міромъ рука Промысла.

Что касается до міра сознательно-разумнаго, то и здѣсь къ такому же заключенію приводитъ насъ

разумность въ историческомъ развитіи человѣчества. И здѣсь, не смотря на кажущуюся случайность и зависимость отдѣльныхъ явленій то отъ необходимыхъ вліяній природы, то отъ игры личнаго произвола частныхъ дѣятелей, не смотря на кажущуюся необъяснимость, даже бессмысленность многихъ изъ этихъ явленій предъ судомъ разума, безпристрастный изслѣдователь долженъ признать общій разумный ходъ міровыхъ событій, общее движеніе къ усовершенствованію, — словомъ долженъ признать разумность исторіи. Но достигается ли и можетъ ли быть достигнута эта разумность однимъ только самостоятельнымъ дѣйствіемъ безчисленнаго множества отдѣльныхъ лицъ, составляющихъ родъ человѣчскій? Не предполагаетъ ли она также высшей, міроуправляющей мысли и воли? Конечно, человѣкъ не есть тоже, что безсознательный предметъ природы; онъ одаренъ разумомъ и волею, можетъ полагать себѣ цѣли и осуществлять ихъ. Но предѣлы дѣйствія этого сознанія и воли большею частію ограничиваются сферою личной дѣятельности. Каждый человѣкъ въ отдѣльности, не исключая и великихъ историческихъ дѣятелей, дѣйствуетъ по большей части по своимъ частнымъ, личнымъ, по крайней мѣрѣ временнымъ побужденіямъ и цѣлямъ. Ни одинъ дѣятель, самый гениальный, не имѣетъ и не можетъ имѣть въ виду общихъ цѣлей человѣчества и сознательно служить ихъ осуществленію. Но если бы онъ даже и имѣлъ ихъ въ виду, если бы его понятія объ этихъ цѣляхъ были дѣйствительно всегда ясны и вѣрны, то и въ такомъ случаѣ при безчисленномъ множествѣ противодѣйствующихъ интересовъ и по-

буждений другихъ лицъ, онъ не въ силахъ былъ бы ни найти лучшихъ и наиболѣе цѣлесообразныхъ средствъ для осуществленія своихъ намѣреній, ни привести ихъ въ исполненіе одною собственною волею. Но на самомъ дѣлѣ, подобные дѣятели съ ясно сознанными для блага человѣчества идеалами, и съ полною энергіею осуществить ихъ, очень рѣдки. Въ дѣйствительности мы видимъ постоянную игру самыхъ мелкихъ, самыхъ эгоистическихъ, изрѣдка благонамѣренныхъ, но за то одностороннихъ побужденій. Каждый преслѣдуетъ свои личныя вѣли, и величайшіе умы не свободны отъ вліянія этихъ личныхъ побужденій. Изъ постояннаго столкновенія бесчисленнаго множества этихъ разрозненныхъ, враждебныхъ другъ другу личныхъ интересовъ, по видимому, въ общемъ итогѣ исторической жизни рода человѣческаго не могло бы ничего выходить, кромѣ событій случайныхъ, явленій неразумныхъ и безсвязныхъ. Но на самомъ дѣлѣ не такъ; не смотря на разрозненность побужденій частныхъ дѣятелей, въ общемъ ходѣ исторической жизни оказывается разумность, правильность, порядокъ; въ общемъ итогѣ—постепенное усовершенствованіе человѣчества. Результаты извѣстныхъ событій въ общемъ часто выходятъ не тѣ, какихъ бы можно ожидать; то, что казалось на первый разъ зломъ или бѣдствіемъ, въ послѣдствіи оказывается явленіемъ необходимымъ и имѣющимъ разумный смыслъ; то, что представлялось безразличнымъ, не важнымъ, оказывается имѣющимъ огромное значеніе. Отсюда видно, что общій ходъ исторіи, такъ какъ онъ не имѣлся никѣмъ въ виду изъ частныхъ ея дѣятелей, направляется высшею невидимою Силою къ неиз-

вѣстной намъ, по разумной, цѣли. Разумность исторіи вообще, при случайности и разрозненности дѣйствій отдѣльныхъ лицъ, служитъ такимъ образомъ доказательствомъ Божественнаго міроуправленія, подобно тому, какъ разумность въ жизни и строеніи природы, при ея безсознательности.

Если ограниченность нашихъ познаній о разумной связи и цѣлесообразности историческихъ событій препятствуетъ намъ иногда видѣть ясно міроуправляющую руку Промысла въ каждомъ даже незначительномъ изъ этихъ событій, то понятно, что таже ограниченность является еще въ сильнѣйшей степени, когда мы хотѣли бы уяснить себѣ способъ и образъ промыслительнаго дѣйствія Божества въ отношеніи къ жизни отдѣльныхъ лицъ. Здѣсь еще болѣе, чѣмъ при попыткахъ уяснить себѣ общій ходъ исторіи, мы должны склониться предъ мыслию о неостижимости путей Промысла, устрояющаго недовѣдомыми путями все наилучшее для каждаго человѣка. Но тѣмъ не менѣе было бы крайнею непослѣдовательностію, на основаніи этой неясности для насъ дѣйствій Промысла съ одной стороны, и кажущейся случайности внѣшнихъ обстоятельствъ жизни съ другой, ограничивать сферу Божественнаго міроуправленія и по примѣру нѣкоторыхъ допускать Промыслъ только по отношенію къ общимъ и міровымъ событіямъ и отвергать его дѣйствительность по отношенію къ предметамъ незначительнымъ, къ частнымъ существамъ и лицамъ и къ ихъ жизни. Предъ безконечною благостію Творца нѣтъ ничего столь незначительнаго, что могло бы быть оставлено Имъ, такъ сказать, въ пренебреженіи по своему ничтоже-

ству и не заслуживало бы попеченія, а премудрость Его конечно сильна найти способы согласовать благо отдельных лиц съ благомъ цѣлаго міра и всего человѣчества. Существо всесовершенное, которое стройно направляетъ гармоническое теченіе міровъ и ведетъ родъ человѣчскій къ высшему предназначенію, не утруждается и не унижается попеченіемъ о ничтожныхъ птичкахъ, цѣннымъ одною мелкою монетою. Тѣмъ болѣе Его промыслительный взоръ долженъ простираться на отдельные существа міра разумнаго, личность которыхъ имѣетъ несравненно болѣе цѣны и значенія, чѣмъ неразумныя существа природы. Человѣкъ не поглощается человѣчествомъ, личность его не есть ничтожный случайный моментъ въ общемъ теченіи исторіи, не есть безразличное средство или матеріаль для достиженія неизвѣстныхъ ему общечеловѣческихъ цѣлей. Будучи предназначенъ своею жизнію и дѣятельностію содѣйствовать благу цѣлаго и служить будущему, онъ тѣмъ не менѣе имѣетъ личное право на достиженіе своего частнаго совершенства и блаженства, имѣетъ право, по своему значенію, служить предметамъ Божественнаго попеченія. Отвергать такое значеніе индивидуума, думать, что Богъ заботится только объ общемъ строе міра и исторіи человѣчества, значитъ совершенно уничтожать всякое практическое значеніе мысли о Промыслѣ, узаконивать полнѣйшій нравственный индифферентизмъ. Опытъ жизни показываетъ, что нравственныя наши усилія и стремленія не всегда имѣютъ своимъ послѣдствіемъ внѣшнее благополучіе. Поэтому основнымъ побужденіемъ нравственной дѣятельности для

насъ можетъ быть только увѣренность, что сю мы исполняемъ долгъ, возложенный на насъ Творцемъ нашимъ, и что вѣрное исполненіе этого долга привлекаетъ на насъ вниманіе, содѣйствіе и любовь Высочайшаго Законодателя нравственнаго царства. Чтобы идти въ жизни узкимъ и труднымъ путемъ добродѣтели, мы должны быть увѣрены, что этотъ путь приведетъ насъ къ высшей цѣли нашего существованія, — совершенству и блаженству. Но возможна ли подобнаго рода увѣренность при мысли, что Творецъ міра не обращаетъ на насъ никакого вниманія, что Онъ предоставилъ насъ и нашу частную жизнь волю случая, что Его взоръ обращенъ не на насъ, а на общую только законосообразность міра и исторіи? Къ чему тогда заботиться о самоусовершенствованіи, о добродѣтели, о борьбѣ съ порокомъ, если наши усилія не только останутся безъ помощи, но пройдутъ совершенно незамѣченными предъ очами Божиими?

Вотъ почему нравственное и религіозное чувство чловѣка съ такою особенною силою и живостію питаетъ увѣренность въ промыслительномъ попеченіи Божества о каждомъ отдѣльномъ лицѣ, не смотря на таинственность способовъ этого попеченія. Можно сказать, что эта увѣренность составляетъ коренную основу всѣхъ религій, и исторія каждой изъ нихъ старается представить фактическія подтвержденія такой увѣренности, повѣствуя о различныхъ явленіяхъ Божества людямъ, о помощи, каковую оно ниспосылало людямъ добродѣтельнымъ, о наказаніяхъ, какими оно поражало порочныхъ и проч. На этой увѣренности основывается возможность молитвъ,

жертвоприношеній, религіозныхъ обрядовъ, вообще возможность всѣхъ тѣхъ отношеній къ Божеству, которыя мы называемъ религіозными. Если эти отношенія не пустая мечта фантази, но имѣютъ дѣйствительное значеніе, то мы необходимо должны признать истину того убѣжденія, на которомъ онѣ основываются и отъ котораго получаютъ всю свою силу. Въ событіяхъ и обстоятельствахъ жизни каждаго изъ насъ, особенно не зависящихъ отъ личнаго нашего произвола, мы должны видѣть не одно только сибленіе случайныхъ обстоятельствъ, но руку Промысла, то благотворящую и вознаграждающую, то наказывающую, то испытывающую, то указывающую путь, какимъ долженъ слѣдовать человекъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. И каждый внимательный къ своей жизни и къ жизни окружающихъ его лицъ, найдетъ случаи, когда эта рука Промысла давала себя видѣть съ особенною ясностію и знаменательностію, когда однимъ случайнымъ столкновеніемъ обстоятельствъ, рѣшительно невозможно объяснить неожиданнаго и не зависящаго отъ воли человека сочетанія событій, въ которыхъ ясно видна вразумляющая его десница Божія.

И такъ не на однихъ только теоретическихъ основаніяхъ нашъ разумъ, признавая истину бытія Божія, признаетъ въ тоже время и необходимо вытекающую изъ нея истину божественнаго Промысла. Внимательное наблюденіе надъ ходомъ событій міра физическаго и духовнаго, даже надъ явленіями частной жизни, не можетъ не открыть слѣдовъ высшей разумности и высшей воли, правящей міромъ. Но тѣмъ не менѣе такое наблюденіе, какъ мы замѣтили, по

самому свойству человеческого разума, можетъ быть только ограниченнымъ. Кромѣ очевидныхъ явленій цѣлесообразности и разумности въ мірѣ, указывающихъ на дѣйствіе высочайшаго Разума, мы встрѣчаемъ въ дѣйствительности много и такихъ явленій, которыя повидимому противорѣчатъ этой разумности, и не должны бы имѣть мѣста, если бы все въ мірѣ зависѣло отъ воли Промысла, еще болѣе такихъ, которыя представляются происходящими по естественнымъ, необходимымъ законамъ природы, не имѣющимъ отношенія къ какимъ либо высшимъ, опредѣленнымъ цѣлямъ. Эти явленія издавна давали обильный матеріалъ для возраженій противъ дѣйствительности Промысла и служили поводомъ къ отрицанію промыслительнаго дѣйствія Божества на мірѣ.

Ученіе, которое признавая бытіе Бога, какъ Творца міра отвергаетъ дальнѣйшее за тѣмъ участіе Его въ управленіи созданнымъ Имъ міромъ, мы можемъ назвать деизмомъ (въ отличіе отъ теизма, признающаго живое и постоянное отношеніе Божества къ міру). Самыми жаркими защитниками его были англійскіе и французскіе философы XVIII вѣка, извѣстные подъ именемъ деистовъ. Въ ближайшее къ намъ время отрицаніе истины Промысла болышею частію соединяется съ отрицаніемъ самаго Божества какъ Существа личнаго и отличнаго отъ міра. Въ этомъ отрицаніи сходятся какъ крайній идеализмъ (основа пантеизма), такъ и матеріализмъ. Но не смотря на различіе принциповъ, сущность и содержаніе возраженій почти одинаковы. Различіе можно замѣтить только въ томъ, что деисты обращали болѣе внима-

пія на *качественныя* свойства міра, его недостатки, и въ нихъ находили противорѣчіе Промыслу, а новѣйшіе противники его больше указываютъ на *законосообразность* природы, независимо отъ ея качественныхъ опредѣленій. Мы сгруппируемъ важнѣйшія изъ этихъ возраженій, примѣнительно къ тѣмъ главнымъ положеніямъ, на которыхъ основывается истина Божественнаго Промысла.

Мы видѣли, что эта истина есть необходимый результатъ понятій о Богѣ и мірѣ.

Страннымъ можетъ показаться, что въ томъ же понятіи о безконечномъ совершенствѣ Божества, которое служило самымъ сильнымъ подтвержденіемъ мысли о Промыслѣ, нѣкоторые находили основанія къ отрицанію его. Но между тѣмъ это такъ. Не станемъ говорить объ Эпикурѣ и его послѣдователяхъ, древнѣйшихъ противникахъ истины Промысла. Его мысль, что попеченіе Божества о мірѣ и управленіе Имъ не согласно съ Его безконечнымъ блаженствомъ, такъ какъ оно утруждало бы Его и обременяло множествомъ заботъ, могла имѣть значеніе только для той философіи, которая идеаль счастья видѣла въ эпикурейской беззаботности и праздности (б). Болѣе благовидности имѣетъ встрѣчающаяся у новыхъ денстовъ мысль, что абсолютное совершен-

(б) Достаточно привести на это возраженіе мягкое замѣчаніе Цицерона: „Profecto Epicurus, quasi pueri delicati, nihil cessatione melius existimat. At ipsi tamen pueri, etiam quum cessant, exercitatione aliqua ludicra delectantur ... Haec oratio non modo Deos spoliatur motu et actione divina, sed etiam homines inertes efficit; siquidem agens aliquid, ne Deus quidem, esse beatus potest“ De nat. Deor. 1, 37.

ство Творца, требуетъ совершенства творенія, а совершеннымъ твореніемъ можетъ быть только міръ исполнѣ самостоятельный и независимый. Совершеннѣйшее Существо, по своей благодати, должно было создать и міръ столь совершенный, сколько то возможно. Но совершенный міръ долженъ быть такимъ, чтобы не нуждаться въ пособіи Творца для своего существованія въ дальнѣйшихъ поправкахъ и улучшеніяхъ. И въ произведеніяхъ рукъ человѣческихъ лучше и совершеннѣе та машина, которая дѣйствуетъ правильно и хорошо сама собою, а не та, которая движется только при постоянномъ вмѣшательствѣ въ ходъ ея художника, и нуждается въ постоянныхъ починкахъ и усовершенствованіяхъ. Поэтому достойнѣе понятія о Богѣ почитать Его устройшимъ міръ такъ прекрасно, что онъ не имѣетъ нужды въ дальнѣйшемъ вмѣшательствѣ Божества, или Промысла, а отношеніе Творца къ созданному Имъ творенію представлять въ видѣ отношенія художника или механика къ устроенному имъ, но отъ него совершенно отдѣльному, произведенію.

Нельзя не видѣть съ перваго взгляда слабыхъ сторонъ этого умозаключенія. Абсолютное совершенство Творца конечно предполагаетъ, что созданный Имъ міръ будетъ столько совершененъ, сколько то возможно. Но съ одной стороны, отличіе творенія отъ Творца уже предполагаетъ, что этотъ міръ не есть и не можетъ быть *всесовершенъ* (иначе онъ и не отличался бы отъ Творца): а какъ относительно только совершенный, и потому относительно только самостоятельный, онъ можетъ имѣть и имѣетъ нужду въ сохраненіи и управленіи Творцемъ. Съ другой

стороны, совершенно несправедливо то, что понятіе совершеннаго міра требуетъ абсолютной независимости его отъ Бога. Машина или автоматъ вовсе не есть идеаль совершеннѣйшаго произведенія. Совершеннѣйшее произведеніе есть то, въ которомъ, при свободѣ и самостоятельности отдѣльныхъ частей или существъ, достигается общая гармонія, общій строй и порядокъ. Стройно дѣйствующій оркестръ лучше самой совершенной музыкальной машины. Стройное, одушевленное единствомъ разумныхъ стремленій и цѣлей общество свободно разумныхъ личностей несравненно выше и совершеннѣе, чѣмъ слѣбно дѣйствующая машина. И болѣе прилично и соотвѣтственно высочайшей мудрости создать такое цѣлое, въ которомъ единство и гармонія достигались бы при относительной самостоятельности частей, чѣмъ искусный автоматъ, какимъ представляютъ міръ.

Что же касается теперь до самой эмпирической аналогіи, которою хотятъ замѣнить рациональное понятіе объ отношеніи Божества къ міру, то она не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Когда Богъ изображается въ видѣ художника, устроившаго міръ какъ отдѣльное цѣлое, и потомъ оставившаго его, какъ механикъ отставляетъ въ сторону докопченную имъ машину, то здѣсь въ опредѣленіи отношенія Бога къ міру совершенно незаконно вводится понятіе пространства и времени. Міръ отдѣляется отъ Бога, какъ одно пространственное цѣлое отъ другаго. Далѣе въ Божествѣ раздѣляются два или даже три временные момента въ Его дѣятельности, одинъ до созданія міра, затѣмъ актъ созданія, и наконецъ

прекращеніе всякаго отношенія къ міру. Но на самомъ дѣлѣ ни міръ не можетъ быть отдѣляемъ отъ Бога, ни Богъ оставаться недѣятельнымъ по отношенію къ міру.

Нельзя не обратить вниманія также и на странное противорѣчіе, въ которое впали деисты XVIII вѣка, первые виновники вышенпредставленнаго возраженія противъ Промысла. Доказывая, что міръ, какъ произведеніе совершеннѣйшей причины, долженъ быть совершеннымъ, а потому и не нуждаться въ дальнѣйшимъ содѣйствіи этой причины для своего существованія, т. е. въ Промыслѣ, они въ тоже время стараются доказать, что міръ далеко несовершенъ, что оптимизмъ Лейбница опровергается фактами, и все это выставляютъ на видъ также для опроверженія мысли о Промыслѣ. Странная непослѣдовательность мышленія, при которой одно и тоже положеніе то признается истиннымъ, то ложнымъ, для полемическихъ цѣлей. Міръ то является совершеннымъ, и потому Промысла нѣтъ; то оказывается очень несовершеннымъ, и потому Промысла опять нѣтъ. Но одно изъ двухъ: если міръ совершенъ, то вся полемика противъ цѣлесообразности и разумности міра въ частности, полемика деистовъ противъ оптимизма, не имѣетъ смысла, обращена противъ нихъ же самихъ. Если не совершенъ, то по ихъ же принципу слѣдуетъ, что онъ имѣетъ нужду въ Промыслѣ и предполагаетъ его; потому что по ихъ собственному предположенію устраняется необходимость въ Промыслѣ совершенствомъ міра, а Промыслѣ могъ бы быть допущенъ только тогда, если бы міръ оказался несовершен-

нымъ, если бы машина міра, выражаясь ихъ словами, нуждалась въ поправкѣ и улучшеніи.

Дѣйствительно въ ограниченности и несовершенствѣ міра, какъ мы видѣли, разумъ находитъ послѣ идеи Божества другое важное основаніе допустить мысль о Промыслѣ. Но въ этихъ же свойствахъ міра ищутъ самой надежной опоры своему мнѣнію и тѣ, которые отвергаютъ эту мысль. Враги Промысла издавна главную свою силу полагали въ подборѣ и исчисленіи такихъ фактическихъ недостатковъ въ строѣ міра, которые повидимому не могли бы имѣть мѣста, если бы правило міромъ премудрое, всемогущее и благое Существо. «Сильные умы» (esprits fortes) прошлаго столѣтія особенно любили изощрять свое остроуміе въ изображеніи всего дурнаго, неразумнаго, случайнаго въ мірѣ, чтобы доказать, что этотъ міръ не только не есть наилучшій изъ міровъ, какъ училъ Лейбницъ, но едва ли не самый худшій изъ всѣхъ возможныхъ. А это вело къ той мысли, что все здѣсь происходитъ случайно, что нѣтъ никакой разумной Силы, которая бы правила вселенною.

Прибѣгая къ подробнымъ исчисленіямъ физическихъ бѣдствій, болѣзней, нестроений въ нравственномъ мірѣ и проч., противники Промысла думаютъ взять количествомъ и массою фактовъ тамъ, гдѣ недостаетъ внутренней силы въ доказательствахъ, — пріемъ, который можетъ подѣйствовать только на непроницательнаго наблюдателя. Вся логическая сила этихъ фактовъ сводится къ простому положенію: въ мірѣ есть много несовершеннаго и неразумнаго. Но дѣйствительно ли существованіе

этихъ несовершенствъ, которыя мы назовемъ вообще зломъ, физическимъ и нравственнымъ, предполагаетъ отсутствіе божественнаго Промысла?

Многимъ защитникамъ Промысла казалось, что лучшимъ отвѣтомъ на подобнаго рода возраженія можетъ служить отрицаніе важности и значенія указываемыхъ ихъ противниками фактовъ нравственныхъ и физическихъ нестроений въ мірѣ. Они старались доказать, что представляющееся намъ неразумнымъ кажется такимъ только для поверхностнаго взгляда, а въ дѣйствительности все въ мірѣ прекрасно и цѣлесообразно. Согласить существованіе зла въ мірѣ съ премудростію и благостію Божіею представлялось возможнымъ только посредствомъ умашенія, почти уничтоженія этаго зла предъ судомъ разума. Самою блестящею попыткою въ этомъ родѣ была теодицея Лейбница. Но она не только не дала окончательнаго отвѣта на вопросъ о причинахъ существованія зла, но по своей односторонности послужила новымъ матеріаломъ для изощренія остроумія противниковъ Промысла.

И дѣйствительно, подобныя попытки — отвѣчать на указаніе фактовъ несовершенствъ въ мірѣ усиліями показать ихъ разумность, необходимость или цѣлесообразность, едвали могутъ быть убѣдительными для тѣхъ, кои находятъ въ нихъ противорѣчіе Промыслу. Положимъ, многія изъ указываемыхъ намъ нестроений и бѣдствій мы найдемъ преувеличенными; въ другихъ откроемъ разумное и благотворное для человѣка значеніе. Но такъ какъ для нашего разума недоступно познаніе всего строя міра и всѣхъ путей божественнаго Промысла, то всегда будутъ оста-

ваться явленія, которыхъ истиннаго смысла и значенія мы угадать не въ силахъ, и пытаюсь изъяснить которыя съ точки зрѣнія цѣлесообразности, неизбежно подвергнемся опасности впасть въ неудачныя и произвольныя предположенія. Этими явленіями и этими неудачными попытками всегда будутъ пользоваться наши антагонисты, какъ скоро мы будемъ держаться той мысли, что для достоинства Божественнаго Промысла необходимо исчезновеніе зла изъ міра, въ настоящемъ его состояніи.

Отсюда видно, что не попытками уничтожить или умалить факты и явленія, представляемые противниками Промысла, какъ ненормальные или безцѣльные, можно удовлетворить ихъ. Напротивъ, мы должны стать съ ними на одной почвѣ, согласиться, что дѣйствительно много существуетъ въ мірѣ нестройнаго и несовершеннаго, отъ чего бы ни происходило это, отъ ограниченности ли міра, или отъ вторженія нравственнаго зла; но въ тоже время должны указать на логическую несостоятельность вывода, который они отсюда дѣлаютъ. Въ самомъ дѣлѣ, если существуетъ, съ одной стороны, Божество всесовершенное, съ другой—міръ, который имѣетъ много несовершенствъ, то какое прямое и естественное слѣдствіе отсюда вытекаетъ? То ли, которое выводятъ деисты, что Богъ не принимаетъ никакого участія въ дѣлахъ міра? Но это совершенно противорѣчило бы понятію о Богѣ. Всесовершенный Творецъ, благій и вмѣстѣ всемогущій, не можетъ потерпѣть, чтобъ міръ предоставленный самому себѣ былъ преданъ нестройнои и злу. Думать иначе, значило бы предполагать, что Богъ намѣренно, по какому-то нераспо-

ложенію къ міру, бросилъ его и предоставилъ собственной судьбѣ. Напротивъ самое существованіе несовершенствъ въ мірѣ необходимо предполагаетъ Промыслъ, если только искренно признается бытіе Существа всесовершеннаго. Такое Существо въ виду несовершенствъ міра должно простираť на него свое промыслительное вліяніе съ цѣлю исправленія несовершенствъ и направленія всего ко благу. Цѣль творенія, которую мы должны понимать какъ абсолютно благоую и мудрую, должна конечно быть достигнута, потому что Богъ не былъ бы безконечно совершенъ, еслибы произвелъ созданіе не могущее достигнуть предположенной Имъ цѣли его существованія. Но если эта цѣль должна достигаться, а міръ самъ собою, физическій по его безсознательности, духовный, по разрозненности цѣлей и интересовъ его частныхъ дѣятелей, достигнуть ея не можетъ, то самое несовершенство міра въ этомъ отношеніи уже предполагаетъ божественное міроуправленіе.

Что же касается до явленій нравственнаго и физическаго разстройства, на которыя такъ любятъ указывать какъ на противорѣчіе этому міроуправленію, то онѣ только въ такомъ случаѣ могли бы имѣть подобное значеніе, еслибы дѣйствительно извращали весь порядокъ міра, дѣлали бы совершенно невозможнымъ осуществленіе той идеи міра и цѣли его, которую предположилъ Творецъ. Но этаго на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Явленія, прямо противорѣчащія благу и разумности, не до такой степени всеобщы, многочисленны и постоянны, чтобы могли колебать собою и искажать весь законосообразный строй міра. Сгруппировавъ эти явленія въ одну массу, выставивъ ихъ

на первый планъ, изобразивъ преувеличенно яркими чертами, враги Промысла конечно могутъ придать имъ кажущуюся силу и поразить воображеніе мрачною картиною нестроенія и неразумности въ ходъ міра. Но этотъ пессимизмъ легко разсѣвается при свѣтъ безпристрастнаго наблюденія. Это наблюденіе ясно показываетъ стройность и законосообразность наряду съ нѣкоторыми частными нарушеніями ея, движеніе человечества къ невѣдомымъ намъ, но возвышеннымъ цѣлямъ, несмотря на частныя колебанія и уклоненія въ сторону отъ этого движенія. Эти нарушенія и уклоненія—не болѣе, какъ скоропреходящія тѣни на свѣтломъ ландшафтѣ природы; не болѣе, какъ подводные камни въ быстромъ и свѣтломъ потокѣ, которые не въ силахъ остановить его теченія. И дѣйствительно мы видимъ, что не смотря на явленія кажущагося разстройства въ природѣ, на землетрясенія, бури, наводненія, моровыя язвы, на истребительную войну органическихъ существъ между собою, общій строй природы, ея цѣлостность и законосообразность не нарушаются. Не смотря на игру мелкихъ самолюбій, страстей, пороковъ, заблужденій, личныхъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ и народовъ, родъ человѣческій не только не погибаетъ и не развращается окончательно, но хотя медленными и трудными шагами, идетъ къ совершенству; и всѣ временныя уклоненія отъ прямого пути и неблагопріятныя обстоятельства не препятствуютъ достиженію цѣли человѣческаго существованія, не только всему человечеству, но и каждому отдѣльному лицу. Это показываетъ, что не смотря на недостатки и несовершенства, змѣчаемыя

въ міръ, мудрость божественнаго Промысла сильна вести міръ къ его назначенію. Она не только сильна уничтожить вредныя послѣдствія уклоненій отъ правильности и добра, но и воспользоваться ими (напр. физическими бѣдствіями, болѣзнями), какъ средствомъ къ достиженію высшихъ цѣлей, употребляя ихъ то какъ наказаніе порока, то какъ испытаніе и искушеніе добродѣтели, вообще какъ приготовительное и воспитательное пособіе для нравственнаго образованія людей.

Но намъ нѣтъ дѣла до совершенства или несовершенства тѣхъ или другихъ явленій міра, говорятъ новѣйшіе преемники ученія французскихъ энциклопедистовъ. Пусть Вольтеръ шипеть поэму на разрушеніе Лиссабона, и недоумѣваетъ, какъ согласить это явленіе съ предполагаемою мудростію Провидѣнія. Пусть «сильные умы» изощряются въ насмѣшкахъ надъ оптимизмомъ Лейбница. Серьезный, эмпирическій взглядъ на природу имѣетъ въ виду другую точку зрѣнія. Хорошо ли, худо ли идутъ дѣла въ міръ, наукъ до этого нѣтъ дѣла; но она достоверно знаетъ, что все въ міръ совершается по необходимымъ, естественнымъ законамъ. Въ природѣ неизмѣнно господствуютъ законы физическіе, химическіе, органическіе и опредѣляютъ безусловно всѣ ея явленія. Ни настоящее, ни прошедшее природы не представляютъ никакихъ случаевъ нарушенія этихъ законовъ, которое могло бы вести къ мысли о вліяніи на ходъ міра какой либо посторонней внѣшней силы. Тоже и въ міръ нравственномъ: всѣ явленія психической жизни индивидуумовъ, всѣ событія исторической жизни народовъ и человѣче-

ства могутъ быть объяснены изъ естественной связи причинъ и дѣйствій; мы и здѣсь, также какъ въ природѣ, не найдемъ признаковъ вмѣшательства какой либо сверхъестественной силы. Если бы такое вліяніе высшей силы дѣйствительно было, то оно не замедлило бы сказаться въ необыкновенныхъ по временамъ прерывахъ дѣйствія физическихъ и психическихъ силъ. въ видоизмѣненіи этихъ дѣйствій, во внесеніи въ общій порядокъ міра новыхъ предметовъ и явленій. Но ничего подобнаго нѣтъ. Отсюда видно, что если мы и должны допустить сверхъестественную причину для объясненія начала міра, то этимъ и должно ограничиться ея дѣйствіе; допускать дальнѣйшее затѣмъ вмѣшательство ея въ ходъ міра, признавать Промыслъ—значитъ итти на перекоръ фактически несомнѣнной самостоятельности законовъ природы.

Если сблизимъ это возраженіе съ предъидущимъ, то можетъ показаться, что теизмъ находится въ безвыходномъ положеніи, и что не только человѣческому уму, но и самому Богу невозможно убѣдить извѣстныхъ мыслителей въ существованіи Промысла. Будетъ ли созданъ міръ такъ, что все въ немъ пойдетъ безъ порядка и безъ связи, случайно, дурно, что ходъ природы будетъ постоянно прерываться и колебаться неизвѣстными причинами, намъ скажутъ: этотъ безпорядокъ прямое доказательство, что Промысла нѣтъ. Будетъ ли міръ устроенъ такъ, что все въ немъ будетъ совершаться неизмѣнно правильно, по точнымъ законамъ порядка и гармоніи, опять скажутъ: эта-то правильность и законосообразность природы и доказываетъ, что Промысла нѣтъ,

а все идетъ хорошо само собою. Но на самомъ дѣлѣ эта дилемма не такъ страшна, какъ кажется, и именно потому, что здѣсь предполагаются два возможные противоположные порядка міра, съ забвеніемъ о настоящемъ дѣйствительномъ порядкѣ, который не представляетъ ни абсолютной случайности и беспорядочности, ни абсолютной законосообразности. Дѣйствительный міръ представляетъ господство законосообразности въ видимой природѣ и господство свободы въ нравственной. А это сочетаніе свободы и необходимости, возможности уклоненія отъ порядка и неизбѣжности слѣдованія ему и предполагаетъ необходимость высшей міроуправляющей Силы, которая бы, не нарушая ни законовъ природы, ни свободы челоуѣка, вела міръ къ осуществленію разумныхъ цѣлей.

Что касается теперь до той строгой законосообразности, которую мы дѣйствительно замѣчаемъ въ явленіяхъ природы физической, то она не только не можетъ служить возраженіемъ противъ Промысла, но напротивъ служитъ лучшимъ и яснѣйшимъ подтвержденіемъ его дѣйствительности. Природа безсознательная иначе и не можетъ быть мыслима, какъ дѣйствующею по необходимымъ, постояннымъ и неизмѣннымъ законамъ, и это постоянство законовъ, столь правильныхъ и цѣлесообразныхъ, что они никогда не возмущаются въ своемъ ходѣ какимъ либо взаимнымъ столкновеніемъ или недостаткомъ гармоніи въ ихъ равновѣсіи, несомнѣнно показываетъ, что надъ устройствомъ и порядкомъ міра наблюдаетъ высшая мысль и высшій разумъ. Слѣпое и бессознательное движеніе естественныхъ силъ, самихъ по

себѣ, никогда не могло бы произвести ничего, кромѣ хаотическаго и случайнаго броженія силъ и элементовъ, разрушающихъ себя во взаимномъ столкновеніи. То, что мы называемъ законами природы, иначе, — постояннымъ и опредѣленнымъ образомъ дѣйствія ея силъ, въ сущности и есть ничто иное, какъ выраженіе разумной воли Творца, способъ божественнаго міроуправленія. Если мы допускаемъ въ природѣ законъ, то конечно вмѣстѣ съ тѣмъ допускаемъ нѣчто стоящее выше матеріи и физическихъ силъ, допускаемъ внѣшній порядокъ и норму ихъ дѣйствія. Когда мы говоримъ: *законъ*, то разумѣемъ здѣсь не что либо матеріальное, сложенное, напр. изъ атомовъ, которые въ наше время считаются сущностію матеріи. Не разумѣемъ также и того, что законъ есть тоже, что сила природы; сила не есть еще законъ, но сама дѣйствуетъ по опредѣленному закону. И такъ законъ есть нѣчто стоящее выше матеріи и силы, опредѣляющее ихъ взаимное отношеніе и дѣйствіе. Но это высшее, опредѣляющее можетъ быть не чѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ воли Законодателя, проявленіемъ Разума, правящаго природою.

Поэтому можно назвать крайне поверхностнымъ такое представленіе о Промыслѣ, которое отождествляетъ промыслительное дѣйствованіе Божества съ чудеснымъ и ищетъ свидѣтельствъ въ его пользу не въ дѣйствительномъ законосообразно-разумномъ ходѣ природы, но въ какихъ либо необычайныхъ нарушеніяхъ этого хода. А такого именно представленія и держатся тѣ мыслители, которые требуютъ, чтобы для доказательства его истины были представлены

имъ какія либо фактическія указанія на нарушеніе естественнаго порядка природы вторженіемъ сверхъестественной силы, и вслѣдствіе предполагаемаго ими отсутствія подобныхъ указаній, отвергаютъ и самую мысль о Промыслѣ. Дѣйствительно ли подобнаго рода указаній нѣтъ, это другой вопросъ. Здѣсь замѣтимъ только, что въ подобномъ требованіи заключается противорѣчіе съ тѣмъ самымъ понятіемъ высочайшей разумности, которую и они считаютъ свойствомъ Существа высочайшаго. Если мы признаемъ такое Существо, какъ Виновника міра, то не всего ли естественнѣе предположить, что Оно дало міру законы наиболѣе разумные, а потому самому постоянные и неизмѣнные, что Оно править міромъ при помощи тѣхъ же самыхъ законовъ, которые Имъ даны, а не нарушая и постоянно измѣняя ихъ? Божественное міроуправленіе при совершенствѣ Божества иначе и не можетъ быть мыслимо, какъ при возможно точномъ сохраненіи тѣхъ законовъ и силъ, которые существуютъ въ природѣ, при осуществленіи идеи и цѣли міра при тѣхъ условіяхъ, которыми опредѣляется нормальный порядокъ вещей. Постоянное сверхъестественное обнаруженіе творческой силы необыкновенными дѣйствіями скорѣе возбуждало бы сомнѣніе въ совершенствѣ Творца, который, устроивъ міръ извѣстнымъ образомъ, потомъ какъ бы нашелъ, что данный Имъ порядокъ не такъ хорошъ, какъ представлялось сначала, что въ немъ многое и часто нужно измѣнять особеннымъ, необычайнымъ проявленіемъ своей силы.

И такъ естественная законосообразность міра, неизмѣнное господство законовъ физическихъ, само-

стоятельность дѣйствій существъ разумныхъ, все это не можетъ колебать мысль о Промыслѣ. Промысль мы должны представлять не въ видѣ только періодическихъ вторженій сверхъ-естественной силы въ естественное теченіе вещей, но какъ постепенное и гармоническое осуществленіе разумной цѣли міра, при самостоятельности его законовъ и силъ; слѣдовъ божественнаго міроуправленія мы должны искать не въ однихъ только сверхъ-естественныхъ событіяхъ, но прежде всего и главнымъ образомъ въ обыкновенномъ законосообразномъ порядкѣ природы.

Такимъ образомъ для рациональнаго утвержденія мысли о Промыслѣ нѣтъ нужды прибѣгать къ необыкновеннымъ и сверхъ-естественнымъ проявленіямъ божественной Силы среди законосообразнаго теченія міра. Но тѣмъ не менѣе теперь можно спросить, дѣйствительно ли вѣрно то предположеніе, что ни въ исторіи природы, ни въ исторіи человѣчества нѣтъ тѣхъ необъяснимыхъ законами природы явленій, которыя если не сильнѣе, то по крайней мѣрѣ нагляднѣе, чѣмъ обыкновенная законосообразность міра, указывали бы намъ на правящую міромъ верховную Силу!

Если мы обратимся за отвѣтомъ на этотъ вопросъ къ религіозному сознанію человѣка, то найдемъ, что во все времена, во всѣхъ религіяхъ, мысль о сверхъ-естественныхъ дѣйствіяхъ оно неразрывно соединяло съ мыслию о Промыслѣ. Оно признавало Божество не только властвующимъ надъ сохраненіемъ и направленіемъ къ благу естественныхъ силъ и законовъ природы, но и ближайшимъ непосредственнымъ образомъ проявляющимъ это господство чрезъ про-

изведеніе для блага людей такихъ явленій, которыя выступаютъ изъ ряда естественныхъ. Что подобныя явленія божественной силы, иначе чудеса, почитаются имѣющими величайшую важность въ дѣлѣ божественнаго міроуправленія во всѣхъ религіяхъ, объ этомъ говоритъ нѣтъ нужды.

Не такъ довѣрчиво, какъ религіозное сознаніе, относится къ необыкновеннымъ дѣйствіямъ Промысла философія. Главная причина этого недовѣрія, конечно, скрывается въ очень естественномъ нерасположеніи науки, которая стремится *понять* и изъяснить существующее, къ такимъ явленіямъ, которыя по самой своей сущности не могутъ быть поняты и изъяснены. Такаго рода явленія ограничиваютъ предѣлы науки, тогда какъ она стремится пролить свой свѣтъ на все существующее. Но тѣмъ не менѣе право науки на абсолютное господство не можетъ быть основаніемъ къ отрицанію сверхъ-естественныхъ явленій, какъ скоро разумъ не противорѣчитъ ихъ возможности, а опытъ или исторія несомнѣнно засвидѣтельствуютъ объ ихъ дѣйствительности.

Что касается до послѣдней, то конечно сужденіе о ней не принадлежитъ теоретическому мышленію. Дѣйствительность или недѣйствительность какаго либо событія опредѣляется не теоріею, а другими способами, напр. историческою критикою, оцѣнкою показаній о немъ свидѣтелей, собственнымъ опытомъ и наблюденіемъ. Философія не имѣетъ право судить о дѣйствительности а ргіогі на основаніи предзанятыхъ теорій. Если извѣстнаго рода фактъ утверждень въ своей истинѣ безпристрастною историческою

критикою, онъ долженъ быть признанъ, не смотря на то, что онъ не находилъ бы мѣста и изъясненія въ какой либо философской теоріи. Отрицаніе его показывало бы только односторонность или недостаточность самой теоріи.

Но къ сожалѣнію въ вопросѣ о сверхъестественныхъ дѣйствіяхъ божественнаго міроуправленія философія всегда была склонна отдавать преимущество теоріи предъ исторіею, и опровергать дѣйствительные факты, какъ скоро они не изъяснялись системою. Мы не говоримъ того, чтобы возраженія противъ чудесъ возникали только со стороны одной философіи. Въ попыткахъ опровергнуть критическимъ путемъ достовѣрность сказаній о чудесахъ, преимущественно о тѣхъ, о которыхъ повѣствуютъ памятники христіанской религіи, какъ извѣстно, недостатка не было. Въ какой мѣрѣ онъ удачны, это вопросъ для насъ посторонній. Но дѣло въ томъ, что внутреннимъ, сокровеннымъ, а иногда и довольно ясно обнаруживаемымъ источникомъ этихъ попытокъ большею частію было не желаніе только безпристрастно оцѣнить степень достовѣрности сказаній о чудесахъ, но положительное, предзанятое намѣреніе опровергнуть эту достовѣрность. Руководящимъ началомъ критики являлась предзанятая мысль о невозможности сверхъестественныхъ дѣйствій Промысла. Что самая критика при господствѣ этой мысли не могла быть безпристрастною, что вопросъ о чудесахъ уже предрѣшался независимо отъ историческихъ изысканій,—этого ожидать было естественно.

Но дѣйствительно ли предположеніе о невозможности сверхъестественныхъ дѣйствій Промысла со-

ставляетъ такую непоколебимую истину теоретическаго знанія, что она позволяетъ отвергать, или по крайней мѣрѣ предрасполагать къ отверженію самыхъ повидимому несомнѣнныхъ свидѣтельствъ о такихъ дѣйствіяхъ.'

Что мыслители, отрицающіе Божественный Промысль, должны отрицать и особенный видъ его, — дѣйствія сверхъестественныя, это вполне понятно и естественно. Но какъ скоро допускается не только существованіе Божества, но и Его промыслительное отношеніе къ міру, то отвергать возможность подобныхъ дѣйствій было бы логическою непослѣдовательностію. Въ самомъ дѣлѣ, если Богъ сотворилъ міръ первоначально, свободнымъ актомъ Своей всемогущей воли далъ природѣ извѣстные законы, то конечно Онъ властенъ и измѣнить эти законы, если бы то оказалось нужнымъ для какой либо высшей цѣли. Если намъ скажутъ, что эти законы постоянны и неизмѣнны, то должно замѣтить, что это постоянство и неизмѣнность не суть абсолютныя, вытекающія изъ необходимости самой природы Божественной, которой бы онѣ составляли проявленія; ихъ постоянство относительное, условливаемое свободною волею Божіею. Если же не въ какой либо абсолютной необходимости божеской природы мы должны искать объясненія той формы и вида законовъ природы, какой онѣ имѣютъ нынѣ, а въ свободной волѣ Существа личнаго, то нѣтъ никакихъ препятствій къ тому, чтобы эта же воля могла и измѣнить ихъ, или направить къ произведенію такого рода явленій, которыя естественнымъ путемъ изъ нихъ не слѣдуютъ. Не имѣя абсолютной необходимости,

законы природы не заключаютъ въ себѣ и необходимости логической, то есть они не таковы, чтобы противное имъ было не мыслимо, чтобы мы не могли представить въ природѣ дѣйствій и явленій, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ, безъ противорѣчія нашему мышленію. Такъ напр. для насъ немислимо, и составляетъ противорѣчіе кореннымъ законамъ мышленія, чтобы дважды два было не четыре а пять, или чтобы одинъ и тотъ же предметъ въ тоже время былъ и бѣлымъ и не бѣлымъ. Но нѣтъ никакого противорѣчія мыслить въ ряду явленій природы такія, которыя выходятъ изъ ряда естественныхъ, тѣмъ болѣе когда мы имѣемъ достаточную причину для объясненія ихъ происхожденія въ Существо въ высочайшемъ. Настоящій порядокъ міра не есть единственно мыслимый и безусловный: онъ можетъ опредѣляться въ своемъ существованіи не только низшими законами природы, но и высшими законами Божественнаго міроуправленія, при чемъ перваго рода законы могутъ подчиняться послѣднимъ для высшихъ цѣлей.

Но отвлеченной возможности сверхъестественныхъ дѣйствій Промысла, говорятъ намъ, недостаточно для положительнаго признанія ея. Нѣтъ спора, что говоря вообще, всемогущество Божіе безпредѣльно, слѣдовательно для него возможны и дѣйствія, выходящія изъ ряда естественныхъ. Но нужно обратить вниманіе на то, что въ Богъ есть еще другія свойства кромѣ всемогущества, и что доступно послѣднему, то можетъ не согласоваться съ первыми, и слѣдовательно быть для Него морально невозможнымъ, не смотря на возможность для абсолютнаго всемогущества.

Такъ, одно изъ существенныхъ свойствъ Божества есть Его неизмѣняемость; она простирается не только на самую природу Божества, но и на опредѣленія Его воли относительно существъ сотворенныхъ. Эти опредѣленія, послѣдствіемъ которыхъ служатъ и существующіе нынѣ законы природы и духа, по самому совершенству Божеской воли и разума, начертанныхъ ихъ, не могутъ быть отмѣняемы или извращаемы. Но дѣйствія сверхъестественныя и суть именно такое измѣненіе божественной воли, которое какъ будто предполагаетъ, что избранный и учрежденный Богомъ порядокъ міра оказался не такъ хорошъ, какъ предполагалось въ началѣ, что движеніе природы и человѣка по даннымъ имъ законамъ не можетъ привести къ предположенной Высочайшимъ Существомъ цѣли, и что нужны по временамъ отклоненія отъ этихъ законовъ. Если бы дѣйствительно міръ во всѣхъ своихъ областяхъ представлялъ развивающееся по неизмѣннымъ, начертаннымъ божественною волею законамъ цѣлое, безъ возможности отклоненія отъ нихъ, то представленное возраженіе конечно имѣло бы полную силу. Въ измѣненіи законовъ міра, въ произведеніи какихъ либо явленій, нарушающихъ или превышающихъ эти законы какъ цѣлесообразные, не было бы нужды; такое нарушеніе показывало бы измѣняемость воли Творца и Его несовершенство. Но возражающіе упускаютъ изъ виду цѣлую область міра, область существъ сознательно свободныхъ, а съ ними и возможность отклоненія отъ законовъ нравственныхъ, данныхъ Богомъ. Нарушеніе этихъ законовъ, дѣйствительность котораго представляетъ опытъ, измѣ-

няетъ нормальный и опредѣленный Богомъ порядокъ міра; въ слѣдствіе этого является возможность новыхъ, особенныхъ дѣйствій божественной воли, которыя могутъ быть названы необыкновенными и сверхъестественными. Эти необыкновенныя особенныя дѣйствія Промысла вызываются и условливаются особенными, ненормальными явлениями въ міръ нравственномъ и означаютъ не измѣняемость и колебаніе божественной воли, а напротивъ неизмѣнность божественнаго опредѣленія, чтобы міръ достигалъ предположенной имъ благой цѣли, не смотря на препятствія полагаемыя превратною дѣятельностію существъ свободныхъ.

Поэтому совершенно справедливо, что чудеса или вообще сверхъестественныя дѣйствія Промысла предполагаютъ уже измѣнившійся и уклонившійся отъ первоначальной нормы порядокъ міра нравственнаго, побуждающій Творца возстановлять этотъ порядокъ посредствомъ такихъ дѣйствій, которыя не были бы необходимы при законосообразномъ состояніи міра. Такъ и смотритъ на значеніе чудесъ религія; она видитъ въ нихъ сверхъестественное возстановленіе нарушеннаго паденіемъ чловѣка первоначальнаго совершенства міра; неестественное нарушеніе этого совершенства зломъ требовало и сверхъестественнаго возстановленія міра въ первобытное состояніе.

Религіозное ученіе о паденіи чловѣка, конечно, во многихъ своихъ частяхъ представляетъ тайну для разума. Но эта таинственность касается болѣе самаго способа происхожденія паденія; что же касается до послѣдствій его, — до факта поврежденія чловѣческой природы, то едвали кто-либо вопреки

очевидности станеть утверждать, что все въ міръ нравственнымъ идетъ нормальнымъ порядкомъ, что въ жизни человѣчества нѣтъ никакихъ уклоненій отъ законовъ правды и добра, никакихъ заблужденій, пороковъ. А какъ скоро признается фактъ ненормальности въ нравственной природѣ, отъ чего бы она ни происходила, то вмѣстѣ съ этимъ признается и возможность особенныхъ дѣйствій Промысла, направленныхъ къ возстановленію нарушенной законосообразности міра.

Но намъ говорятъ: если условливать возможность чудесъ возможностью уклоненія міра, въ частности міра человѣческаго, отъ своей нормы, если смотрѣть на чудеса какъ на средство возстановленія нарушенной человѣкомъ гармоніи міра, то нужно бы предположить, что это средство будетъ обыкновеннымъ, а не исключительнымъ, что сверхъестественныя дѣйствія будутъ постояннымъ, а не случайнымъ дѣйствіемъ Божества въ управленіи міромъ. Иначе трудно объяснить, почему столь удобное средство къ возстановленію нравственнаго порядка не употребляется постоянно, а только въ рѣдкихъ случаяхъ. Почему напр. Богъ не поражаетъ громомъ или внезапною смертію нечестиваго на мѣстѣ преступленія, почему не защищаетъ отъ внезапныхъ бѣдствій добродѣтельнаго, допускаетъ слѣпцыя силы природы губить его наравнѣ съ преступниками и проч.?

Нельзя не видѣть, что подобное возраженіе, основанное на томъ предположеніи, что если чудеса возможны, то онѣ должны бы случаться постоянно, основывается на слишкомъ поверхностномъ сужденіи о Промыслѣ и путяхъ его, на субъективныхъ,

личныхъ соображеніяхъ о томъ, что нужно или не нужно, полезно или бесполезно для блага человѣка. Во всякомъ случаѣ изъ идеи абсолютной разумности Божества и самостоятельности міра слѣдуетъ та мысль, что намѣренія Промысла прежде всего будутъ осуществляемы при помощи естественныхъ законовъ міра и съ сохраненіемъ свободы человѣка, слѣдовательно, дѣйствія сверхъестественныя будутъ происходить только въ особенныхъ, исключительныхъ случаяхъ, когда безъ нихъ было бы невозможно осуществленіе цѣлей Провидѣнія. Опредѣлять же эти исключительные случаи по личнымъ соображеніямъ ограниченнаго разума рѣшительно неумѣстно. Было бы признакомъ величайшей поверхностности мышленія, если бы мы стали утверждать, что въ такомъ-то случаѣ для предотвращенія нравственнаго безпорядка или для наказанія его прилично бы быть чуду, а въ такомъ-то нѣтъ, и если чудо, тамъ гдѣ оно представляется намъ нужнымъ, не случилось, если на примѣръ Богъ не поразилъ внезапною смертію преступника, то отвергать на этомъ основаніи возможность чудесъ вообще. Если бы мы вполне знали всѣ пути, которыми человѣчество должно идти къ предназначенной ему цѣли, всѣ наилучшія средства къ ея достиженію, то конечно имѣли бы нѣкоторое право судить, въ какомъ случаѣ эта цѣль можетъ быть достигнута Промысломъ при естественныхъ средствахъ, и въ какомъ случаѣ нужны средства сверхъестественныя. Но пока ни эти пути, ни эти средства намъ неизвѣстны, да они и не могутъ быть извѣстны прежде завершенія исторіи міра и человѣчества, то вопросы: почему при однихъ случаяхъ

имѣло мѣсто необычайное дѣйствіе Промысла, а при другихъ нѣтъ, будутъ совершенно праздными вопросами ни на чемъ не основаннаго личнаго воззрѣнія на порядокъ міра. Разумъ здѣсь долженъ преклониться предъ мыслию о непостижимости путей Промысла и безконечной мудрости Творца, которая опредѣляетъ мѣсто, время и способъ необыкновенныхъ дѣйствій божественнаго всемогущества, и если не производитъ чудесъ постоянно, то не потому чтобы онѣ были невозможны, но потому что такой образъ дѣйствованія несогласенъ съ недоумыми намъ предначертаніями Божества о благѣ чело-вѣчества. Единственный свѣтъ здѣсь можетъ быть пролить только божественнымъ откровеніемъ, которое въ исторіи домостроительства о спасеніи чело-вѣка указываетъ и на планъ сверхъестественнаго возстановленія чело-вѣка и на тѣ необычайные пути и средства, которыми оно вело и ведетъ его ко спасенію.

Но допуская возможность измѣненія естественнаго порядка природы для сохраненія порядка міра нравственнаго, не допускаемъ ли мы вмѣстѣ съ тѣмъ мысль о безпорядкѣ въ мірѣ физическомъ? Природу мы представляемъ, какъ строгою законосообразностію связанное единство временно-пространственнаго бытія, въ которомъ какъ все вообще, такъ и каждое явленіе въ частности, самымъ тѣснымъ образомъ обуславливаетъ одно другое, такъ что весь ходъ временнаго бытія вещей образуетъ непрерывную послѣдовательность, — то, что мы называемъ процессомъ. При такомъ взглядѣ на природу, о случаѣ, какъ явленіи безпричинномъ и безосновномъ, не опредѣленномъ точными законами природы, не

можетъ быть и рѣчи. А чудо, какъ явленіе возникшее внѣ естественной связи причинъ и дѣйстви́й, и было бы именно по отношенію къ законосообразности природы явленіемъ случайнымъ, ею неопредѣленнымъ. Такое явленіе, если бы оно произошло, произвело бы перерывъ въ процессъ природы, который бы сопровождался измѣненіемъ цѣлаго плана міра, потому что каждое вновь внесенное туда явленіе устанавливало бы новый, дальнѣйшій порядокъ вещей, послужило бы причиною дальнѣйшихъ физическихъ явленій, которыя разрушили бы законосообразное теченіе міра. Каждое сверхъестественное явленіе или прекратило бы на время процессъ естественныхъ явленій въ данномъ мѣстѣ и въ данное время, тогда какъ всѣ другіе процессы природы въ тоже время продолжали бы дѣйствовать, а отсюда возникъ бы въ природѣ такой же беспорядокъ, какой въ механизмѣ, если бы одна пружина или колесо были приостановлены въ своемъ движеніи; или же сверхъестественнымъ дѣйстви́емъ Промысла вводилось бы въ кругъ естественныхъ предметовъ и явленій новое явленіе, которое какъ причина произвело бы дальнѣйшіе результаты, а отсюда опять дѣйстви́е естественной законосообразности точно также спуталось бы, какъ если бы въ механизмъ мы бросили ненужный камешекъ, или вложили ненужную часть въ средину нужныхъ.

Все это умозаключеніе держится на совершенно невѣрномъ взглядѣ на взаимное отношеніе частей и явленій природы къ цѣлому. Это отношеніе вовсе не такого рода, чтобы измѣненіе совершающееся въ одной части необходимо влекло за собою соотвѣт-

ственное измѣненіе въ цѣломъ ходѣ міра, какъ въ механизмъ перемѣна, порча или остановка одной части влечетъ за собою расстроено и остановку цѣлой машины. Міръ есть цѣлое органическое, а не механическое. Какъ въ организмѣ случайное, временное измѣненіе въ положеніи одной какой-либо части, пріостановка дѣятельности какого-либо органа нисколько не останавливаетъ и не повреждаетъ жизни цѣлаго организма, такъ и въ природѣ. Въ растеніи напримѣръ, въ ту или другую сторону наклонить вѣтеръ извѣстную вѣтку въ данный моментъ, оторвется ли листъ отъ дерева или нѣтъ, эти случайныя измѣненія не произведутъ никакого вліянія на жизнь растенія, или, если даже и произведутъ, говоря строго, по естественной связи причинъ и дѣйствій, то такое ничтожное и незначительное, что равняется почти нулю. Тоже и въ природѣ; по отношенію къ ея цѣлости и законосообразности, мѣстные и временныя отклоненія отъ ея законовъ сверхъестественною силою имѣли бы еще менѣе значительное вліяніе, чѣмъ случайный напримѣръ поворотъ листка на деревѣ, не въ ту сторону, куда дуетъ вѣтеръ, но въ противоположную. Что такія случайныя, или точнѣе сказать, не вытекающія изъ естественной связи причинъ и дѣйствій явленія, и помимо сверхъестественныхъ въ природѣ есть, и что онѣ своимъ существованіемъ нисколько не нарушаютъ естественной законосообразности, — самое ясное доказательство тому — произвольныя дѣйствія человека на природу. По отношенію къ естественному теченію природы и онѣ также суть нѣчто сверхъестественное, то есть не условливаемое самою природою

и по отношенію къ ней внѣшни и случайны, но однакожь онѣ не нарушаютъ жизни природы въ ея гармоніи и цѣлости. Человѣкъ, напримѣръ, срубилъ дерево; гибель дерева въ данный моментъ вовсе не есть что либо предопредѣленное естественнымъ ходомъ законовъ природы; она явленіе случайное, фактъ насильственно такъ сказать введенный въ законосообразный ходъ міра; но нарушился ли этимъ сколько нибудь порядокъ природы? Остановилась ли она въ своемъ теченіи? Произвело ли это новое явленіе новый рядъ измѣненій въ природѣ, прерывающихъ его гармоническое движеніе! Срублено ли дерево, останется ли на мѣстѣ, — міръ остается цѣлымъ и невредимымъ. Тоже самое очевидно будетъ и тогда, если предположимъ напримѣръ, что дерево срублено не рукою человѣка, но внезапно упало и погибло дѣйствіемъ какой-либо сверхъестественной силы, никакаго измѣненія и безпорядка въ природѣ не произойдетъ. Такимъ образомъ, если производимыя человекомъ измѣненія въ природѣ и произвольныя его дѣйствія на нее, которыя въ дѣйствительности постоянны, обширны и многочисленны, не могутъ однакожь разрушить самостоятельность природы и уничтожить ея порядокъ и законы, то тѣмъ страннѣе было бы предполагать, что механизмъ міра могъ быть сколько нибудь разстроенъ сверхъестественными дѣйствіями Промысла, вообще рѣдкими и исключительными.

Еще менѣе, чѣмъ преувеличенное мнѣніе о законосообразности природы, можетъ служить возраженіемъ противъ возможности сверхъестественныхъ дѣйствій Промысла столько же преувеличенная мысль объ

условіяхъ научнаго познанія природы и ея явленій, которой будто бы противорѣчить вѣра въ возможность подобныхъ дѣйствій. Истинно научное познаніе природы, говорятъ намъ, возможно только при предположеніи безусловной законосообразности природы, не нарушаемой никакими сверхъестественными прерывами или явленіями. Какъ скоро возможность подобныхъ перерывовъ допущена, то исчезаетъ всякая твердость эмпирическаго знанія; вмѣсто изысканія естественныхъ причинъ явленій, особенно неизвѣстныхъ, мы легко можемъ останавливаться на предположеніи причины сверхъестественной и довольствоваться ею для объясненія всего намъ непонятнаго. И науки естественныя тогда только вышли на путь прогресса, когда, съ устраненіемъ мысли о чудесахъ, отнята у человѣческаго ума легкая возможность останавливаться на сверхъестественномъ, при встрѣчѣ сколько нибудь труднаго для объясненія явленія. Допустивъ снова эту мысль, мы опять дадимъ уму поводъ и соблазнъ прекращать научныя изслѣдованія на сколько нибудь трудныхъ пунктахъ и положимъ преграду научному изученію природы.

Во всемъ этомъ конечно очень много справедливаго, но очень мало отношенія къ вопросу о возможности или невозможности сверхъестественныхъ дѣйствій Промысла, самихъ по себѣ. Дѣло не въ томъ, содѣйствуетъ или препятствуетъ успѣхамъ естествознанія вѣра въ чудеса, а въ томъ, могутъ ли чудеса быть или нѣтъ. Если мы на основаніи началъ теоретическихъ допустимъ такую возможность, а провѣренный критикою опытъ укажетъ намъ и дѣйствительность ихъ, то мы должны будемъ

признать ихъ какъ фактъ, не смотря на то вліяніе, какое онъ могъ бы произвести въ субъективномъ направленіи нашего познанія. Отвергать фактъ сверхъестественнаго дѣйствія Промысла на томъ только основаніи, что онъ можетъ быть невыгоденъ для успѣховъ нашего знанія, также произвольно и неосновательно, какъ отвергать напримѣръ истину какаго нибудь историческаго событія, потому только, что оно можетъ произвести дурныя послѣдствія въ чуждой ему субъективной области, напримѣръ произвести вредное вліяніе на нравственность, подать дурной примѣръ. Фактъ самъ по себѣ равнодушенъ къ послѣдствіямъ, какія могутъ быть извлечены изъ него, и достоверность его не можетъ быть опредѣляема по соображенію съ этими послѣдствіями.

Впрочемъ самая опасность для науки отъ признанія возможности чудесъ сильно преувеличена. Конечно опасность признанія всякаго непонятнаго явленія за сверхъестественное, — это такъ сказать злоупотребленіе понятіемъ чуда, на которое указывалъ Кантъ, какъ на главное возраженіе противъ чудесъ, можетъ имѣть мѣсто въ отношеніи къ обыкновенному познанію, не далекому въ своихъ изысканіяхъ причинъ явленій; но такая опасность нисколько не угрожаетъ знанію истинно-научному. Самое простое правило науки состоитъ въ томъ, чтобы были приняты во вниманіе всѣ возможности естественнаго сочетанія причинъ для объясненія даннаго явленія, и только тогда, когда рѣшительно никакія естественныя условія не могутъ объяснить его, допускать или неизъяснимость его при современномъ положеніи науки, или сверхъестественность, когда кромѣ непо-

вятности въ немъ замѣчаются и другіе признаки, указывающіе дѣйствіе высшей силы. Исполненіе этого простаго правила достаточно можетъ гарантировать науку отъ возможности самообольщенія. Если же это правило иногда не выполняется, и человекъ бываетъ слишкомъ поспѣшенъ въ признаніи необыкновеннаго или ему неизвѣстнаго за сверхъестественное, то вина въ томъ, не въ самомъ понятіи о сверхъестественномъ, а въ ограниченности наблюдателя. Какъ мало признаніе возможности сверхъестественныхъ дѣйствій Промысла препятствуетъ изученію природы, примѣръ тому во множествѣ естествоиспытателей искреннихъ христіанъ; не было примѣра, чтобы они въ своихъ изслѣдованіяхъ злоупотребили понятіемъ чуда и прибѣгали къ нему, чтобы имъ замаскировать собственное незнаніе или недалководидность. Успѣху наукъ естественныхъ въ средніе вѣка вредила также не столько вѣра въ сверхъестественныя дѣйствія Промысла, сколько вѣра въ необыкновенныя магическія силы самой природы. На предположеніи этихъ силъ основывались магія, алхимія, астрологія, — науки столькоже чуждыя точному знанію природы, сколько и христіанству.

Съ той же точки зрѣнія многихъ интересовъ научнаго знанія, какъ на возраженіе противъ возможности чудесъ, указываютъ на невозможность для этого знанія отличить дѣйствіе сверхъестественное отъ естественнаго. Чтобы признать какое-либо дѣйствіе за чудесное, чтобы отличить въ ряду дѣйствующихъ естественныхъ причинъ сверхъестественную, мы бы должны прежде всего знать вполнѣ всѣ естественныя силы, всѣ возможныя сочетанія

естественныхъ законовъ и результаты, какіе они не только производятъ обыкновенно, но и могутъ произвести въ рѣдкихъ, особенныхъ случаяхъ. Но подобное всецѣлое знаніе природы и естественной причинности явленій намъ недоступно. Отсюда, при самомъ необыкновенномъ явленіи насъ не можетъ оставить сомнѣніе, не есть ли оно результатъ дѣйствія какихъ-либо неизвѣстныхъ силъ природы или необычайнаго сочетанія извѣстныхъ. Отсюда, при самомъ необычайномъ явленіи, мы можемъ только сказать, что это есть явленіе неопытное, но не можемъ сказать, что оно есть явленіе сверхъестественное.

Если бы для объясненія причинъ каждаго частнаго явленія, мы должны были имѣть полное познаніе природы и совокупности ея условій; то все сказанное о сверхъестественныхъ явленіяхъ было бы справедливо; но на самомъ дѣлѣ въ этомъ нѣтъ никакой нужды. Мы съ достовѣрностію объясняемъ причины явленій природы на основаніи наблюденій надъ отдѣльными предметами и надъ совокупностію естественныхъ условій намъ доступныхъ и извѣстныхъ. Эти наблюденія вполнѣ достаточны, чтобы дать намъ вѣрное понятіе о дѣйствующихъ законахъ природы, и если не всегда о томъ, что они могутъ произвести при необыкновенномъ сочетаніи ихъ, то по крайней мѣрѣ о томъ, чего произвести они не могутъ. Для каждаго очевидно наприимѣръ, что слово человека не можетъ внезапно исцѣлить больного, воскресить мертваго, что сухой жезлъ не можетъ произвести листьевъ, цвѣтовъ, плодовъ и т. под. Вызывать для объясненія подобныхъ явленій какія-то неизвѣстныя, предполагаемыя силы природы зна-

чило бы давать въ область знанія доступъ совершенно фантастическимъ гипотезамъ. Эти такъ называемыя прежде, сокровенныя силы природы въ настоящее время совершенно изгоняются изъ области наукъ естественныхъ, и странно было прибѣгать къ нимъ для колебанія вѣры въ возможность дѣйствій сверхъестественныхъ. Тоже должно сказать и о предполагаемыхъ необыкновенныхъ сочетаніяхъ естественныхъ, нынѣ дѣйствующихъ силъ природы, могущихъ будто бы произвести результаты, кажущіеся сверхъестественными. Такихъ необыкновенныхъ сочетаній и въ природѣ мы не видимъ, и искусственно произвести не можемъ, не смотря на все богатство и разнообразіе средствъ, какими владѣетъ наука. Притомъ, еслибъ онѣ и были возможны, то уже по тому самому, что онѣ необыкновенныя, не условливаемыя естественнымъ и правильнымъ ходомъ природы, онѣ предполагали бы особенную сверхъестественную силу, соединившую и направившую законы и силы природы къ произведенію такого явленія, которое само по себѣ произойти не могло. Такимъ образомъ для насъ есть всегда возможность отличить дѣйствіе сверхъестественное отъ естественнаго, и для этого нѣтъ нужды въ какомъ-либо особенно глубокомъ и полномъ познаніи природы. Конечно, для человѣка мало знакомаго съ законами и силами природы представляется иногда опасность необыкновенное естественное явленіе принять за чудесное; но въ бѣльшей части случаевъ, самаго обыкновеннаго и всѣмъ доступнаго познанія окружающихъ насъ явленій и ихъ причинъ вполне достаточно для сужденія, что можетъ произойти

естественно и что нѣтъ. Тѣмъ съ бѣльшею достовѣрностію можетъ судить о томъ владычій научнымъ знаніемъ природы, и только невѣріе, прикрытое маскою научной скромности, можетъ отвергать сверхъестественное явленіе подъ предлогомъ невозможности отличить его отъ естественнаго.

Не одни только интересы научнаго знанія, но и интересы нравственности были выставяемы иногда на видъ, какъ возраженіе противъ возможности необыкновенныхъ дѣйствій Промысла. Философія Канта, утвердивъ безусловную автономію нравственнаго закона, существеннымъ требованіемъ нравственности поставила то, чтобы этотъ законъ исполнялся самъ по себѣ и для себя, по уваженію къ его внутренней истинѣ и святости, а не по какимъ-либо внѣшнимъ, независящимъ отъ него побужденіямъ, какъ бы они высоки ни были. Поэтому, если (какъ въ религіозномъ ученіи) мотивомъ къ исполненію его признается то, что онъ имѣетъ божественное происхожденіе и авторитетъ, если для подтвержденія этого авторитета указывается на чудеса, которыми провозвѣстники нравственнаго ученія засвидѣтельствовали и его значеніе и свое божественное посланничество, то это есть не что иное, какъ уклоненіе отъ чистоты нравственнаго закона, уменьшеніе уваженія къ нему. По словамъ Канта, признавать авторитетъ за начертанными въ сердцѣ требованіями долга только тогда, когда онъ подтверждены чудесами, есть не что иное, какъ достойное наказанія нравственное невѣріе (в). Продолжая развивать одностороннее

ученіе Канта о побужденіяхъ къ исполненію нравственнаго закона, раціоналисты пришли къ убѣжденію, что вѣра въ чудеса вообще наноситъ вредъ истинной добродѣтели и оскорбляетъ святость нравственнаго долга. Поэтому и чудеса, если и возможны для Бога какъ Существа всемогущаго, морально невозможны для него какъ Существа нравственно-совершеннѣйшаго, не могущаго производить то, что искажало бы автономію и святость нравственнаго закона.

Критическій разборъ основныхъ принциповъ нравственной философіи Канта, изъ которыхъ возникъ такой односторонній взглядъ на чудеса, не входитъ въ область настоящаго изслѣдованія. Достаточно замѣтить, что если бы даже и дѣйствительно все значеніе чудесъ состояло только въ подтвержденіи авторитета божественныхъ посланниковъ и въ утвержденіи въ сердцахъ людей вѣры въ обязательность возвѣщаемыхъ ими нравственныхъ предписаній, то и тогда бы нельзя сказать, что чудеса ведутъ къ ослабленію нравственнаго закона и морально невозможны для верховнаго Законодателя и Правителя нравственнаго царства. Положимъ, что высочайшая и истинно совершенная нравственность состоитъ въ исполненіи предписаній нравственнаго закона, по уваженію къ нему самому, независимо отъ постороннихъ побужденій и цѣлей. Но нельзя не видѣть, что такое основанное на ясномъ пониманіи святости нравственнаго закона уваженіе къ нему, которое одно само по себѣ способно вести человека по пути долга и добродѣтели, не есть общая и непосредственная принадлежность всѣхъ людей, но достигается мало

по малу, и можетъ составлять принадлежность только высоко развитыхъ людей. И послѣдователи критической философіи не могутъ отвергать того очевиднаго факта, что въ большинствѣ случаевъ, на низшихъ ступеняхъ развитія, побужденіемъ къ нравственности служить не отвлеченное понятіе объ автономіи нравственнаго закона, не теоретическое уваженіе къ нему, но различныя внѣшнія побужденія, изъ которыхъ самое возвышенное и чистое есть въра въ Божественное происхожденіе его и условливаемая тѣмъ обязательность его для насъ. Поэтому, если нравственность должна быть дѣломъ не только философовъ, но и всѣхъ людей, если тѣ или другія побужденія къ нравственности не суть что либо случайное, но опредѣляются степенью развитія чловѣка и чловѣчества, то вполне вѣроятно, что Законодатель нравственнаго царства, сообразно съ потребностію и развитіемъ людей будетъ заботиться объ укрѣпленіи и утвержденіи тѣхъ побужденій къ исполненію нравственнаго закона, которыя наиболее пригодны для чловѣка въ данное время;—а наивысшее изъ такихъ побужденій, какъ мы замѣтили, есть въра въ божественное его происхожденіе. Итакъ вполне мыслимо и естественно, что для завѣренія такого божественнаго происхожденія предписаній нравственности и для подтвержденія авторитета лицъ, посылаемыхъ для возвышенія оныхъ, Богъ будетъ производить и явленія, способныя указать на ихъ сверхъестественное происхожденіе, т. е. чудеса.

Такимъ образомъ и съ точки зрѣнія критической философіи, сверхъестественныя дѣйствія Промысла

не суть что либо морально невозможное для Божества. Но въ сущности взглядъ этой философіи на религіозное значеніе чудесъ есть односторонній и неправильный. Это значеніе не въ томъ только состоитъ, чтобы утвердить силу нравственныхъ предписаній и увѣрить людей въ ихъ Божественномъ происхожденіи. Божественные посланники, о которыхъ говоритъ откровенная религія, не суть только моралисты, и чудеса не къ тому только служатъ, чтобы придавать бѣльшую значимость правиламъ нравственности, которыя и сами по себѣ ясны и могутъ постепенно болѣе и болѣе уясняться развитіемъ естественныхъ способностей ума. Откровенная религія возвѣщаетъ намъ не нравственныя только, но теоретическія сверхъестественныя истины о Богѣ и о спасеніи человѣка, истины, которыя не доступны разуму и не могли бы быть приняты человѣкомъ на основаніи однихъ рациональныхъ убѣжденій въ ихъ несомнѣнности. Для возбужденія вѣры въ эти истины, существенно необходимой для спасенія человѣка, необходимы по этому не какія-либо доказательства разума, но доказательства сверхъестественныя, побуждающія человѣка *вѣрить* Божественному ихъ происхожденію, *вѣрить* Божественному посланничеству и лицъ ихъ возвѣщающихъ. Такимъ образомъ необходимость сверхъестественныхъ дѣйствій Промысла, для религіознаго сознанія, условливается самою сверхъестественностію и непостижимостію для разума истинъ откровенія и планомъ Божественнаго домостроительства о спасеніи человѣка.

Разборъ возраженій противъ возможности сверхъестественныхъ дѣйствій Промысла показываетъ, что

эти возраженія вовсе не такъ значительны, чтобы давать теоретическому мышленію право а ргіогі отвергать представляемые религіею факты такихъ сверхъестественныхъ дѣйствій. Не имѣя ни малѣйшаго права отвергать ихъ возможности, философія должна предоставить исторической критикѣ утвержденіе достовѣрности этихъ фактовъ. И мы знаемъ, что испытаніе такой критики вполне выдерживаютъ повѣствованія о сверхъестественныхъ дѣйствіяхъ Божественной силы, которыя представляютъ намъ священное Писаніе и исторія церкви. Христіанская наука представляетъ намъ цѣлый рядъ историческихъ и критическихъ изысканій, имѣющихъ цѣлю утвердить достовѣрность и неповрежденность тѣхъ письменныхъ памятниковъ, въ которыхъ содержатся свидѣтельства о необыкновенныхъ дѣйствіяхъ Промысла въ отношеніи къ человѣческому роду. Что же касается до другихъ религій, то какъ бы ни были сомнительны и недостовѣрны встрѣчающіяся и въ нихъ сказанія о необыкновенныхъ дѣйствіяхъ Божества, нельзя совершенно оставить безъ вниманія, если не самыхъ этихъ сказаній, то общаго тона ихъ и того религіознаго убѣжденія, которое служитъ ихъ мотивомъ. Это—убѣжденіе въ возможности необычайныхъ обнаруженій Божественной силы. Если религіозное сознаніе, даже и въ его одностороннихъ проявленіяхъ, не есть совершенно ложное и несостоятельное выраженіе какихъ либо субъективныхъ и случайныхъ требованій чловѣка, но существенная принадлежность его духовной природы, то конечно и основныя, характеристическія убѣжденія этого сознанія должны заключать въ себѣ нѣчто вѣрное и

имѣющее право на признаніе разумомъ. Но не только вѣра въ Промыслъ вообще, но и вѣра въ возможность необычайныхъ проявленій Божественнаго всемогущества въ міръ, есть существенная черта религіознаго сознанія всѣхъ временъ и народовъ. Положимъ, что въ сказаніяхъ о чудесахъ у народовъ языческихъ—безчисленное множество вымысловъ, порожденныхъ суевѣріемъ, легковѣріемъ, даже обманомъ. Но самая твердость, съ какою держится вѣра въ чудеса, самое постоянство тона религіозныхъ сказаній показываетъ, что общая основа ихъ въ духъ чловѣка не можетъ быть совершенно ложною, что она имѣетъ источникъ въ какихъ-либо дѣйствительныхъ опытахъ религіозной жизни. Ложныя сказанія могли образоваться только какъ подражаніе или искаженіе возможныхъ, истинныхъ; ложныя чудеса также предполагаютъ существованіе истинныхъ, какъ фальшивая монета существованіе дѣйствительной.

